

Кондратий Жмуриков
Следствие ведут дураки
Серия «Комедийный боевик»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167945

Следствие ведут дураки: Научная книга, Эксмо; М.; 2001

ISBN 5-04-008605-9

Аннотация

Молодой московский хлыщ Иван Александрович Астахов неожиданно для себя попадает в провинциальный Мокроусовск и оказывается перед выбором: либо сыграть в следака, либо – в ящик. И бывшему студенту ВГИКа поневоле приходится выбрать первое. Мнимый следователь понимает, что разоблачение неминуемо, к тому же в городе начинаются такие кровавые разборки, которые могут привидеться только в страшном сне. И чтобы не пополнить список «жмуриков», необходимо иметь не только актерское дарование и душу авантюриста, но и немного фарта.

Содержание

ПРОЛОГ С ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬСТВОМ И ЖИЗНЕОПИСАНИЕМ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СКУПЕРДЯЙ	14
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЕЩЕ ОДНА СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА	15
ГЛАВА ВТОРАЯ. СКУЧНО НЕ БУДЕТ: ПЕРВЫЕ ЗАМОРОЧКИ	28
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СКУЧНО НЕ БУДЕТ: О ВРЕДЕ ТЕЛЕФОННЫХ РАЗГОВОРОВ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кондратий Жмуриков

Следствие ведут дураки

ПРОЛОГ С ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬСТВОМ И ЖИЗНЕОПИСАНИЕМ

Серовато-желтое пятно люстры уродовало затененный, в дымных световых разводах, потолок и казалось липкой бесформенной рыбой-прилипалой, присосавшейся к громадному корпусу кита. Пятно испускало тревогу и страх.

Перед глазами мельтешили бегающие желтые человечки на обоях.

— И что теперь с нами будет? — хрипло спросил маленький шуплый паренек с белым лицом и неподвижным мутноватым взглядом, в котором застыло плохо сознающее само себя отчаяние. — Что с нами будет, папа? В расход?

И, вытолкнув эти скомканные, раздавленные слова, Ваня Астахов положил голову набок, как петушок, заранее готовящийся к тому, что ему свернут шею и пустят на откуп гастрономическим воротилам.

— Я тоже так думал, — сказал Астахов-старший. — Но теперь думаю иначе. Ты можешь оставить себе те деньги, которые получил в качестве взятки. А вот восемьдесят тысяч долларов от Останевского придется вернуть. Паспорта ты получишь завтра. Ну что ж... уезжай за границу, как хотел. Но помни, дорогой сын. Назад тебе дороги нет. Я рассказал тебе все это, потому что убедился — ты вовсе не такой дурачок, как я думал.

Ваня откинулся назад, перенес упор на руки, отведенные за спину. В этот момент его пальцы коснулись чего-то холодного, металлического.

Ваня конвульсивно сжал кулак и только тут понял, что его рука сомкнулась вокруг рукояти пистолета. Астахов-младший даже не вздрогнул, хотя прохладный металл обжег руку, словно раскаленное клеймо; более того, в открытой всем сквознякам голове Ивана не забрезжило и смутного ищущего недоумения: а откуда, собственно, за его спиной оказывается пистолет, который так удобно и с такой готовностью укладывается в ладонь?

Нет. Ничего подобного не трепыхнулось в бедной извилинами буйнопомешанной головушке Иванушки свет-Астахова, потому что в последнее время он настолько привык к ладно пригнанным одно к другому, как фигуры в «Тетрисе» — и самым невероятным! — обстоятельствам, что потерял младенческую способность удивляться так же неподдельно, как, скажем, дикий басмач, впервые в жизни увидевший шайтан-арбу, в просторечии — паровоз.

— Твоя щедрость, папа... — с гортанным придыханием выговорил Иван. — Твоя щедрость, папа, не знает границ. Ты даже представить себе не можешь, какую честь ты мне, дурачку, оказываешь.

— Молчи, идиот, — холодно сказал отец, Александр Ильич Астахов, презрительно щуря холодные светло серые глаза и довольно нервно проводя ладонью по высокому, с залысинами, почти совершенно лишенному морщин лбу. — Не заставляй меня передумывать. Завтра ты получишь билеты на рейс в любую точку земного шара. В один конец. One way ticket, как говорят англичане. Я сказал. Все.

— А можно ответную щедрость? — тихо выговорил Иван, морщась так, как будто тугим обручем мучительно перехватило грудь и замутило, затемнило дыхание. — Я тоже предложу тебе билет. В один конец. One way ticket, да?

И Ваня Астахов, как в замедленной съемке выведя из-за спины руку с пистолетом — как будто сам замороженный губительностью и жутью того, что должно быть содеяно через

секунду, – дважды выстрелил в перекосившееся гневом и изумлением лицо Александра Ильича.

...Впрочем, нет. Это замороженному собственными отчаянными действиями Ване показалось, что он выстрелил прямо в лицо своего отца. Но со стороны все происшедшее выглядело совершенно по-иному и, как ни парадоксально то звучит – существенно комичнее.

Первым выстрелом Иван Саныч разбил вазу, стоявшую на полке за спиной Астахова-старшего.

Ваза взлетела на воздух, вздымилось мелкое хрустальное крошево, несколько крупных осколков вычертили живописные траектории, буйно разлетаясь в полном соответствии с наезженной схемой: «кто во что горазд» – в дверь, в окно, в потолок, в шею и затылок Александра Ильича.

Точно так же в полном соответствии со своими именем и динамическими принципами равновесия, заложенными в игрушку Ванька-встанька, от первого выстрела Иван Саныч качнулся назад, зажмурил глаза и вторым, уже конвульсивным, движением вторично вдавил курок. Бабах!!

...Второй выстрел оказался самым метким в жизни гражданина Астахова-младшего, хотя он сам того и не хотел и метил совсем не туда, куда угодила пуля.

А пуля – пуля угодила в люстру и срезала ее у самого основания, в результате чего ветвистое, как рога сохатого, сооружение из металлического каркаса и псевдохрустальных пластинок рухнуло прямехонько на голову многострадального папеньки, Александра Ильича.

Ваня выронил пистолет и, не в силах заставить себя посмотреть на отца, упал на диван даже раньше, чем оглушенный и изумленный Александр Ильич.

А тот некоторое время стоял, остолбенело прикладывая пальцы к поцарапанной шее, коронованный упавшей люстрой – а потом перегнулся вперед и упал на пол.

Коротко взвыли половицы, а потом за дверью образовались приближающиеся дробные шаги, и в комнату ворвался высокий худощавый мужчина с коротко остриженной головой и пластырем на виске; но не пластырь на виске, и даже не огурец, торчащий изо рта на манер особо толстенной гаванской сигары, смещали акценты к факту появления этого нового фигуранта в деле с двумя выстрелами – а то, что в руке мужчина держал пистолет марки ТТ с глушителем.

Он едва не навернулся через особо крупный фрагмент люстры, который отбросило к полу, а потом наткнулся взглядом на лежавшего ничком на ковре Астахова-старшего. Люстра уже свалилась с головы Александра Ильича и тускло агонизировала рядом.

Иван поднял на вновь вошедшего белое лицо и с трудом выговорил:

– Я... убил его.

Мужчина с пластырем на виске тотчас же переменялся в лице. Бешеный блеск в глазах угас, и он, показательно выплюнув огурец и опустив пистолет, произнес:

– Ну что ж... тогда я – следователь Генеральной прокуратуры Осокин. Вам будет предъявлено обвинение в убийстве Астахова Александра Ильича.

* * *

Согласно древней легенде, Марк Юний Брут приходился убитому им Цезарю внебрачным сыном. Тот самый Брут, в адрес которого прозвучало сакраментально-горькое: «И ты, Брут?!» Правда, какой-то шутник из числа божественных знакомых Ивана Саныча Астахова перевирал эту красивую и трагическую кровавую сцену, давшую новый отсчет истории Древнего Рима: он утверждал, что предсмертная фраза великого римского диктатора стала неким

провозвестником мирового сионизма, и с мудрым лицом Диогена, застрявшего задницей в бочке, выдавал с ветчинным одесским акцентом: «И ты, Брут?» – «Таки да!»

Ивану Санычу Астахову, бесспорно, до благородного Брута было далеко. Справедливости ради надо отметить, что его родитель, солидный и преуспевающий питерский бизнесмен, на Цезаря также не тянул, что, впрочем, не помешало ему подвергнуться нападению со стороны сына. Череда обстоятельств, поставившие этих двух людей лицом к лицу в пароксизме непримиримой взаимной неприязни, дохлестывающей до ненависти, была феерична и напоминала типично российскую дорогу, местами залатанную нерадивыми ремонтниками, а по большей части своей протяженности брошенную на растерзание дождям, ветрам и шипастым покрывкам отечественных автомонстров. Дорога Астаховых то злобно щерилась рытвинами и колдобинами, то ласково выстилалась свежеукатанной асфальтовой лентой, то напознала на ветхий мост с рушащимися перилами, и становилось страшно, когда с глухим уханьем и надсадным воем ветра в ушах на них с ревом бросались усыпанные хищным щебнем дорожные откосы и кюветы.

Именно так трясло Ивана Саныча Астахова на его еще коротком, но изобилующем вот такими колдобинами, рытвинами, осыпающимися мостами и кюветами пути. У него, как и у всей России, было только две беды: дурак и дорога.

Дорога уже описана выше, дурак – он сам.

Впрочем, многие из тех, кто именовал Ивана Александровича Астахова сказочноуничтожающим: Иванушка-дурачок – жалели об этом.

Прежде чем прийти к тому печальному финалу – двум выстрелам в человека, верно, лишь по недоразумению именуемого родным отцом, Ваня Астахов уже успел нахлебаться жизнью досыта.

...Астахов-младший, актер-недоучка по образованию, раздолбай и прожигатель жизни по призванию, до двадцати пяти лет проплутал путаными расплывающимися тропами божественной жизни, прежде чем попал в Питер на работу в фирме отца. Тот опрометчиво понадеялся, что его непутевый отрок встанет на путь истинный, выправится и порадует отца успехами, – но не тут-то было. В Питере Ваня развернулся на полную катушку, не раз причиняя родителю серьезные беспокойства и даже наживая трения с милицией и прокуратурой. А однажды даже ввязался в серьезнейший конфликт с ФСБ, обдолбавшись халявным кокаином и предприняв смехотворную попытку «угона» лайнера, когда Иван Саныч орал с грузинским акцентом: «Лэтым в Тыбылысы, слющь!», а потом ввалился в кабину пилота и попросил порулить.

Такое благодушествование Иван Саныч продолжал до тех пор, пока Астахов-старший, потеряв терпение, заявил сынку, что так больше продолжаться не может и что Ивану нужно сменить работу, круг общения и обстановку. И отправил сына по железнодорожному маршруту Санкт-Петербург – Москва – Саратов, к своему старому знакомому, который, по утверждению Александра Ильича, обладал большими педагогическими способностями в плане перековки непутевых граждан.

Тон отца Ивану не понравился. Как показало ближайшее будущее – не напрасно.

В дороге Ивана Саныча сопровождал некто Осип Моржов, представляющий собой злокачественную помесь Лелика из «Бриллиантовой руки» и своего парнокопытного однофамильца Хрюна Моржова из передачи «Тушите свет», ныне идущей на ТВ-6. Бывший зэк, ныне сотрудник охраны Александра Ильича Астахова, своего старого знакомого (еще по нарам), Осип Моржов представлял собой колоритнейшую личность, всю прелесть которой Ивану еще долго предстояло расхлебывать и переваривать.

Гм... переваривать... что касается пищеварения, то тотчас же по отправлении поезда у Ивана возникли с этим большие проблемы, потому что обед без спиртного – это не обед, а

зловредный Осип по указанию Александра Ильича всячески блюл алкогольное воздержание Астахова-младшего и проявил себя на этой почве настоящим тираном.

В отместку Иван делал Осипу разные мелкие пакости и всячески издевался над простонародным произношением г-на Моржова, представляющим собой кошмарную помесь акающего говора и украинизмов, отлакированную старозековскими языковыми штучками.

Неизвестно, что было бы дальше и сколь долго продолжалась вышеописанная идиллия, если бы в Москве к ним в купе не подсели два новых пассажира: некто Иван Александрович Осокин (полный тезка Астахова-младшего, а?), который позднее окажется следователем Генеральной прокуратуры, и девушка Настя, к коей Ваня Астахов незамедлительно начал клеиться, благо что-то, а общение с женским полом Астахов-старший в лице своего возмутительного полпреда Осипа Моржова ему не запрещал. Это только потом окажется, что дамочка-то нечиста на руку: обчистит Астахова как липку и исчезнет в неизвестном направлении.

Но все это будет позже, а пока Ваня, к сугубому неодобрению Моржова, пьянствовал с Осокиным и играл с ним же в карты на деньги. Что-то выигрывал, что-то проигрывал... в общем, по мере приближения поезда к пункту назначения Настя проиграла все деньги и решила расплатиться с ним натурой, пока Осип таскал пьяного в дымину Осокина в туалет.

Осип задержался в тамбуре, а вот Осокин, выйдя из туалета, по изысканной синусоиде направился в свое купе и застал там Астахова-младшего и Настю в самой интересной позиции, любопытной даже с позиций «Камасутры». Выиграло ретивое, и И.А. Осокин решил спасти Настеньку от окончательного растления.

Затеялась батальная сцена, в финале коей Ваня так хватил пустой водочной бутылкой по башке Осокина, что тот мгновенно воспарил в эмпиреи и без чувств-с свалился на пол.

Ваня дико перепугался. Аттракционы с летальным исходом в реестр дорожных развлечений явно не входили, и было отчего хренеть. Пока Настя, утомленная сексом, алкоголем и азартными играми, спала, Иван Саныч с помощью Осипа подчищал следы: «труп» (а в действительности просто мертвецки пьяного Осокина с разбитой башкой) был надежно спрятан на станции Лозовой под каким-то железным сараем, туда же швыряют и осокинский кейс.

Возвратившись в купе, они увидели, что Настя исчезла.

Осип, старый «конспиратор»-рецидивист, решил сойти на следующей станции, не доезжая до Саратова, и добраться до нужного города на попутках – мало ли что. Все-таки «мокруха», перестраховаться нелишне, решил г-н Моржов. Астахов и Моржов сошли в каком-то небольшом городе, носящем унылое название Мокроусовск, и расквартировались на ночь в местной гостинице, и вот тут-то выяснилось, что у них совершенно нет денег – все подчистила Настя. Правда, Ваня Астахов, страдающий kleptomанией, – воистину средоточие добродетелей на двух тоненьких кривеньких ножках! – незаметно от Осипа прихватил новенький пиджак Осокина от «Brioni», но осматривать его при Осипе он не стал, да и знал, что денег там нет: сам все у Осокина выиграл.

Ушлый Березкин, хозяин гостиницы, повел себя омерзительным образом: он потребовал расплатиться с ним за ночлег, ужин и завтрак. Астахов, измученный невзгодами, отвратительным пищеварением и откормленными гостиничными тараканами, взъярился и хотел было устроить скандал, но наткнулся в вестибюле на крышу Березкина. Обстоятельства накручивались стремительно, и все кончилось самым несчастливым образом для Ивана и Осипа: их поставили на счетчик, и уже через три дня после вселения в гостиницу они задолжали две с половиной тысячи долларов (!!).

В то же самое время мэр города Мокроусовска, г-н Блинов, получил информацию из проверенных источников, что в его городок, славящийся разгулом криминала, едет следователь из Генпрокуратуры.

У Блинова были основания думать, что прокуратура может заинтересоваться вверенным ему населенным пунктом: во-первых, в пригороде расположены военные склады, с которой безбожно воруют, во-вторых, начальник УВД городка Дьяков засадил в кутузку председательницу какого-то местного комитета по правам человека, оказавшуюся вдовой генерала и имевшую связи в Москве. Из КПЗ-то ее выпустили, но теперь она бомбардировала столичные ведомства жалобами на беспредел властей. В-третьих, монахи местного мужского монастыря подали петицию в Верховную патриархию на своего настоятеля, отца Глеба, обвиняя его в куче смертных грехов, включая мужеложество и организацию на базе монастыря порностудии. В-четвертых, Блинов знал, что в Петербурге есть высокопоставленный деятель, уроженец Мокроусовска, сделавший стартовый капитал именно здесь, в городке, а потом резко поднявшийся, но по старой памяти продолжавший координировать деятельность местных мафиози: ставил каналы сбыта, прикрывал от наездов сверху, и так далее.

Крестного отца, обходя его ФИО, в Мокроусовске называли кратенько и со вкусом: Сам.

Блинов также входил в число местной мафии, насколько вообще можно расценивать всерьез словосочетание «мокроусовская мафия». Так или иначе, но поводы для беспокойства у него имелись.

И тогда Антон Антоныч Блинов поступил так, как завещал великий Гоголь. Он собрал свою камарилью и сказал трагическим голосом:

– Приснился мне нехороший сон про крыс... а вообще слили мне такую нехорошую информацию, что едет к нам человек из Генпрокуратуры.

Главный мент Дьяков, который своими повадками мало чем отличался от бандита, тут же предложил незваного гостя замочить, но Блинов решил поступить умнее...

А далее события развивались с феерической быстротой и прихотливостью и, что характерно, точно по рецептуре, данной в «Ревизоре». Но все по порядку.

Приглашенный на бандитский банкет Ваня Астахов, решив, что его забирают на убой, надел осокинский пиджак «Vigioni» и явился в ресторан, где не замедлил нажраться до полной кондиции, справедливо полагая, что пьяному и подышать не страшно, и вообще после нас хоть потоп, и хоть весь мир в трубу вылетит – после литра водки под прекрасную закуску и это не страшно.

Но с эсхатологическими настроениями Иван Саныч явно поторопился: он обнаружил в своем пиджаке жизнеутверждающее удостоверение на имя следователя Генпрокуратуры Осокина И.А. и мобильный телефон «Motorola StarTac V3620». По странной прихоти судьбы, он открыл для себя эти две вещи в туалете, куда его забросил сработавший рвотный рефлекс. Та же прихоть завела в туалет почетных гостей криминального банкета, председателя мокроусовской Гордумы Бориса Ивановича Галкина и его заместителя и почти что тезки Бориса Абрамовича Малкина. Эти двое присутствовали на экстренном заседании у мэра Блинова, и потому вид удостоверения Генпрокуратуры, поспешно спрятанного пьяным Астаховым в карман, оказал на них неизгладимое впечатление.

Они не могли не поделиться этим впечатлением с мэром.

Так Иван Саныч Астахов нашел себя в шкуре следователя Генеральной прокуратуры со всеми вытекающими отсюда последствиями. Первоначально он перепугался, особенно когда к нему в номер пожаловал с визитом сам мэр Блинов, да еще в грозном сопровождении начальника Мокроусовского ГУВД полковника Дьякова. После их ухода он перепугался еще сильнее, поняв наконец, за кого его приняли, и выудив из своего похмельного киселя, по недоразумению носящего громкое имя «мозг», воспоминания о вчерашнем бдении в туалете.

Но выхода не было: актер-недоучка Астахов, в свое время исполнявший роль Хлестакова в учебных постановках, теперь был вынужден играть ее в жизни. Иначе – конец.

Для того, чтобы роль шла достаточно сносно, нужно было создавать видимость расследования; но для создания даже самой схематичной видимости нужно было иметь представление о том, зачем Осокин ехал в Мокроусовск и по каким материалам должен был вести работу.

А эти материалы, верно, были в кейсе, который Осип и Ваня Астахов зашвырнули под железный сарай вместе с «трупом» Осокина. Вывод напрашивался сам собой: нужна была поездка на станцию Лозовая, где находился искомый сарай.

Все незамедлительно было приведено в исполнение, кейс был обнаружен, но оставался один нюанс, от которого Ивана бросило сначала в жар, а потом в холод: тела Осокина под сараем не было.

Значит, он остался жив. Другого истолкования быть не могло.

Но исчезновение Осокина было не последним потрясением, которое ожидало Осипа и Ивана Саныча в Лозовой: они наткнулись на грандиозную разборку, в которой участвовали в том числе и мокроусовские братки.

Среди множества трупов Осип опознал Николая Сергеевича Белецкого, человека, к которому Астахов-старший и посылал своего сына в Саратов... Теперь в Саратов ехать было незачем, потому что человек, к которому собирался «приставить» его отец, оказался бандитом и вот теперь, по странному стечению обстоятельств, по жуткому и необъяснимому их переплетению, умирал у ног Астахова-младшего на заплыванной отстрелянными гильзами земле.

Ивану вспомнились слова отца и сопровождавший их презрительный смех: «Ничего... мой старый друг Николай Сергеевич сделает из тебя человека. У него всегда были педагогические способности.»

Иван начал догадываться, что любящий папа рассчитывал никогда больше не видеть сына.

Астахов-младший и Осип вернулись в Мокроусовск с материалами Осокина и скрепя сердце начали свое горе-расследование, которое сам Иван определил чуть видоизмененной детективно-киношной фразой: «Следствие ведут дураки». Впрочем, они не остались внакладе: взяточничество в России со времен Гоголя изменилось мало.

А потом стали происходить странные вещи: все люди, фигурировавшие в материалах Осокина – выпущенная из КПЗ генеральша Грачева, начальник военных складов полковник Останевский, местный «авторитет» Толян Жмурин – один за другим таинственно погибают сразу же после визитов к ним новоиспеченных «следователей». Нечистое дело становится еще и кровавым.

Иван Саныч чувствовал, что дальше так продолжаться не может: кто-то идет прямо по их следу и убирает всех фигурантов в расследовании касательно «мокроусовской мафии». От Останевского, который, приняв его за Осокина, передает ему восемьдесят тысяч долларов (часть тех денег, что Останевский получил за проданную со склада партию оружия), Иван узнает чудовищные вещи: оказывается, Осокин является родным сыном человека по имени Сам и ехал в Мокроусовск вовсе не затем, чтобы проводить расследование. Следствие было только на бумаге и являлось юридическим прикрытием; цель визита была другая.

Какая?

...Последним пунктом «следствия» была поездка в монастырь, в котором, по уверениям покойной генеральши Грачевой, была создана порностудия. С недобрим чувством отправились туда Иван Саныч и Осип; обоих глодало тускло тлеющее, нудное, невыводи-мое предчувствие скорой беды. Холодом перекатывающаяся по жилам, как боль в кариесном зубе, тревога.

Интуиция не подвела: в монастыре они встретили ту самую Настю, что так коварно обчистила их в поезде, и узнали, что они ни кто иная, как родная дочь полковника Дьякова,

начальника ГУВД Мокроусовска. Испугавшись немедленного разоблачения, Ваня пустился в бегство и трусостью своей выдал себя сам. Если бы не Настя, которая не только не собиралась выдавать наших жуликов, но даже и симпатизировала им, надеясь на этой симпатии состричь с Ивана и Осипа немалый куш, – если бы не Настя, не миновать им камеры предварительного заключения.

Вновь встретившиеся соседи по купе угнали катер и спрятались на одном из волжских островов, справедливо полагая, что утро вечера мудренее.

А наутро Настя предложила оптимальный выход из положения: восемьдесят тысяч баксов от Останевского плюс десять тысяч «зеленых» разнокалиберных взяток вполне могут удалить всю троицу на безопасное расстояние от негостеприимных каменных джунглей Мокроусовска.

Проще говоря, Настя предложила заплатить ее жадному и продажному папаше, полковнику Дьякову, толстую сумму за то, чтобы он дал отмашку на фабрикование загранпаспортов с открытой Шенгенской визой.

Осип и Ваня Саныч поспешили с ней согласиться, но загвоздка состояла в том, что денег с собой у них не было: Моржов спрятал их на свалке за гостиницей Березкина, где можно было занывать не только маленький желтенький чемоданчик с несколькими пачками купюр, а хоть весь золотой запас американского казначейства плюс пара сотен швейцарских сейфов, набитых вкладами российских олигархов и чиновников.

В кои-то веки Иван Саныч согласился рискнуть и, переодевшись в женскую одежду, чтобы не быть узнанным, забрал деньги. Надо сказать, что худощавая стройная фигура, неширокие плечи, тонкие черты лица и несомненный актерский талант позволяли Астахову-младшему изображать девушку более чем сносно. По крайней мере, в прикиде, которым снабдила его Настя, он куда больше походил на женщину, чем большинство представительниц условно прекрасного пола в Мокроусовске.

Выйдя из-за гостиницы, он увидел, что на пороге гостиницы Березкина стоит ни кто иной, как... Осокин.

Вот Ивану чуть не стало дурно. Он до последнего хотел верить, что больше не встретится со своим бывшим попутчиком и собутыльником, сыгравшим с ним, пусть против собственной воли, такую дурную шутку. Он даже не хотел верить своим глазам, которые видели Осокина на пороге гостиницы.

Оказалось, в гостинице он был не один. Ване Астахову удалось пробраться к дверям осокинского номера и подслушать разговор, в котором Осокин несколько раз называл своего собеседника папой.

Значит, Сам приехал в Мокроусовск. Зачем? С какой целью? Впрочем, Сам тут же заочно ответил на вопрос Астахова, сказав глухим негромким голосом (Ваня еле расслышал):

– Нужно обрубать концы. Мне не нужно это копание на периферии. Я давно уже вышел на новый, несоизмеримый с прежним уровень, и делишки на малой родине могут сильно мне повредить...

Астахов-младший поспешил покинуть гостиницу Березкина, в которой его связывало столько печально-фарсовых воспоминаний, и, встретившись с Настей, передать ей деньги для полковника Дьякова. Как утверждала Настя, документы могут быть готовы через два дня, если завтра передать фотографии на паспорт.

После этого они уехали из небезопасного Мокроусовска в Саратов, где ждал их Осип, снявший на три дня квартиру в спальном районе.

На этой квартире они должны были жить до тех пор, пока Настя не заберет у отца паспорта с визами и пока не будут куплены билеты. Куда – это был еще вопрос.

Примечательным и сыгравшим немалую роль в дальнейших приключениях Вани Астахова обстоятельством было то, что из соображений конспирации ему делали паспорт на имя женщины: Хлестовой Жанны Николаевны. В фотоателье он пошел в том обличье, в каком был на момент забирая денег с заднего двора березкинской гостиницы. Обличье было еще то. А именно: довольно миловидная девица лет двадцати – двадцати двух, в темном платье (под платьем – лифчик размера 2С с подложенной в него ватой), черных колготках, туфлях и с темно-рыжими волосами, аккуратно уложенными в каре. На переносице у Вани значились очки в тонкой стильной оправе, с простыми стеклами вместо линз. Личико было намалевано, покрашено, умело наштукатурено, подведено, подправлено, заретушировано, и в конечном итоге черты лица Астахова-младшего, и без того тонкие и, если так можно выразиться, феминносовместимые, приобрели женственность почти без примеси карикатурности.

Осипу же делали паспорт на имя Иосифа Михайловича Новоженова.

Фото, сделанное в фотоателье, являло черты лица весьма представительного мужчины в пиджаке, в чистой рубашке с галстуком, в очках же, с аккуратной прической, чисто выбритого и опрятного; все это значительно разнилось с традиционным обликом господина Моржова, до крайности не любящего бриться, стричься и нацеплять на себя иное выражение лица, кроме как оскаленную полугримасу, обозначающую улыбку, да угрюмо-остекленелую мину с каменеющими широченными скулами и вертикальными складками на низком бугристом лбу, обозначающую все остальное. Кроме того, как уже говорилось, на фото Осип был одет более чем прилично, а в жизни он полностью соответствовал представлению о нем Астахова, который говорил, что г-н Моржов напоминает ему гоголевского помещика Собакевича с иллюстрации юношеского издания «Мертвых душ». Только на иллюстрации Собакевич был в культурном сюртуке, а Осип, кроме эковской телаги, номерка и пары прохарей, в гардеробе ничего не держал. Шутка.

Настя, единственная из всех, должна была получить паспорт на собственное имя. А именно: Дьякова Анастасия Андреевна.

На саратовской квартире Осип, Иван и Настя и сидели, дожидаясь условленного срока, когда можно будет забрать паспорта, приобрести билеты и вылететь за границу. На этой-то квартире и пожаловал к ним человек, которого Ваня меньше всего ожидал видеть здесь: Александр Ильич Астахов.

В сопровождении вооруженного Осокина.

Выследили.

Иван Саныч окаменел, увидев здесь отца, но больше всего Иван Саныч поразился, узнав, что его отец и человек по имени Сам – одно и то же лицо. Потом ему пришлось узнать кое-какие примечательные подробности из биографии своего почтенного родителя.

Оказывается, до женитьбы на матери Астахова-младшего, в девичестве Гарпагиной Елены Семеновны, Александр Ильич уже был женат и даже имел сына в Мокроусовске. Этот сын – Осокин – впоследствии был перетащен любящим родителем в Москву. Жизнь с первой женой у Астахова-старшего не сложилась, потому как он попал в тюрьму. Где, собственно, и познакомился с Осипом Моржовым, а также будущим «педагогом» для сына – Белецким. После отсидки он вернулся в Мокроусовск и организовал кооператив – перестройка шла уже полным ходом. Сколотил начальный капитал в Мокроусовске, а потом, разбогатев, переехал сначала в Саратов, потом в Питер, постепенно перешел на более легальный бизнес, по старой памяти и «глупой сентиментальности» по выражению самого Александра Ильича координировал деятельность «этих мокроусовских уродов».

Но потом настал момент, когда потребовалось резко размежеваться с этой мокроусовской «малиной». Александру Ильичу не хотелось «палиться» из-за такой мелочи, как мышьяная возня провинциальных дельцов и бандитишек. И он решил прикрыть контору. По крайней мере, поставить крест на всех тех, кто знал, что он, Астахов – во главе всего. Поездка

Ивана в Саратов, оказывается, была лишь незначительным моментом в хорошо просчитанной ликвидаторской операции.

Главным ликвидатором, проще говоря, киллером – должен был быть Осокин.

Узнав об этом, Ваня сполз со стула, говоря:

– Осо... Осокин? Так он что... тоже ни из какой не из прокуратуры?

– Он-то из прокуратуры, – сказал тогда Александр Ильич. – Да только раньше он немного по другому профилю был. Есть такая милая профессия – киллер называется. Он ведь, Осокин-то, тоже непутевый. Выпить любит, да и вообще веселых нравов хлопец. Я его пристроил, куда мне удобно было. Непросто, конечно, было, но помогли... У него же высшее юридическое образование, да и вообще толковый парень. Вот он и работает в прокуратуре. А тут такой случай образовался: поехать проинспектировать неблагополучный в криминогенном плане провинциальный город. Правда, никаких особых оснований, кроме этих дурацких заявлений Грачевой да петиции монахов, не было. Первый зам Генерального прокурора в подпитии был, читал заяву в Патриархию, хохотал в голос, а потом сам идейку подмахнул. Конечно, же, он ничего не подозревает, зам Генерального, – с нажимом договорил Астахов-старший, увидев, что глаза Ивана готовы выпрыгнуть из орбит, – но все получилось шито-крыто. Правда, я сам немного маху дал. Решил подшутить и организовал так, что вы в одном купе поехали. Вот и дошутился. Кто ж знал, что он напьется сразу же, а ты его по башке бутылкой – и в отвал, да еще на Лозовой, где через несколько дней стрелка у Белецкого была забита? Нарочно не выдумашь!

Резюме «нарочно не выдумашь!» блестяще подходило для всего происшедшего с Иваном Саньчем и Осипом. Это как у Пушкина: «Он уважать себя заставил, и лучше выдумать не мог». Кто же мог предположить, что Александр Ильич Астахов сам едва не «заставит себя уважать», но не в современном значении этого выражения, а в старинной трактовке, какая и имеется в виду у Пушкина: «заставить себя уважать», то же самое – «приказать долго жить», то же самое – «почить в Бозе»...

То же самое – умереть.

* * *

– Вам будет предъявлено обвинение в убийстве Астахова Александра Ильича, – прозвучали в ушах Вани Астахова холодные слова, и тотчас же стало тихо, как будто фраза Осокина, как плотные комочки ваты, замкнула слух незадачливого Ивана Саньча.

Астахов-младший дернул ногой, отползая к самой стене, и как раз в этот момент за спиной Осокина возник Осип и, взмахнув зажатой к массивному кулаке пустой бутылкой, сильно, с оттяжкой ударил по голове следователя-убийцы.

Осокин пошатнулся и, повернувшись вполоборота вдоль собственной оси, упал на ковер.

Настя взвизгнула, Иван прохрипел что-то нечленораздельное, а Осип, перешагнув через тело Осокина и брезгливо поддев его носком тапка, произнес:

– Невиновен, гражданин судья.

Иван, трясаясь крупной дрожью, сел на краешек дивана и приложил ладонь к щеке. Осип не отрываясь смотрел на него мутным сочувствующим взглядом, а потом сказал:

– И чаво ж? Плохо-от, канешна-а. Но ось воно як и должно было быть – рано или поздно. Он – волк, и умер по-волчьи. Не парься, Саньч. Как грится в одной тупой рекламе – усе еще только начинаецца.

Иван конвульсивно распрямил плечи, как будто промеж лопаток ему всадили кинжал, и хотел было заговорить, но только издал какой-то хриплый каркающий звук, раздирающий ему гортань.

И тут что-то глухо звякнуло.

Ваня дернул шеей и тяжело, словно бесформенный глиняный ком, метнул мутный взгляд туда, где на ковре вытянулся его отец. И – выпучил глаза: Александр Ильич медленно поднимался с пола, тяжелыми рубиновыми каплями смахивая с головы кровь и уперев подбородок в грудь. Его глаза были затянуты дождливой пеленой боли, но властный рот тем не менее привычно искривился сарказмом, когда Сам негромко, хрипло выговорил:

– Усе еще только начинается? Ну что ж, верно.

– Иль-ич? – остоленело выговорил Осип.

– Я, как всякий Ильич, вечно живой, – пробормотал Астахов-старший уже без всякой претензии на иронию. А потом с трудом, придерживаясь за стены, направился к двери... ноги его подогнулись, и он уже было упал, но в последний момент удержался и бросил на рванувшегося поддержать его Осипа насмешливый взгляд...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СКУПЕРДЯЙ

*Ах, милый Ваня, я гуляю по Парижу,
И то, что слышу, и то, что вижу,
Пишу в блокнотик, впечатлениям вдогонку.
Когда состарюсь – ИЗДАМ КНИЖОНКУ
Про то, что, Ваня, мы с тобой в Париже,
Нужны, как в бане пассатижи.
...Я сам завел с французенкою шаши,
Мои друзья теперь и Пьер, и Жан,
И вот плевал я с Эйфелевой башни
На головы беспечных парижан.
И все же, Ваня, мы друзьям в Париже
Нужны с тобой, как зайцу грыжа.
Вэ Эс В Ы С О Ц К И Й
и примкнувший к нему О с и п М О Р Ж О В*

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЕЩЕ ОДНА СЕМЕЙНАЯ СЦЕНА

Александр Ильич Астахов и мутно-серый Осокин, со свежеперевязанными головами, похожие на две ипостаси раненого Щорса, сидели в кухне и синхронно пили кофе.

Астахов-старший выглядел довольно сносно, если не считать сильной бледности, а вот Осокину, кажется, было худо: в мутной прозелени лица, зажатые меж окровавленным лбом, как-то особенно хищно выступающим носом и ввалившимися щеками, варились в темных полукружьях два бессмысленных глаза, и их взгляд, ничего не выражающий и какой-то отсутствующий, уставленный словно бы внутрь, был неуловим.

Конечно, ведь по голове горе-следователя прогулялась могучая рука Осипа, привычно вооруженная бутылкой.

Александр Ильич подозрительно покосился на Осокина, а потом произнес:

– Что-то он не того... выглядит, будто повредился в уме. С другой стороны, повредиться может только тот, у кого есть что повреждать, но все равно – что-то не то. Ты меня слышишь? – обратился он к Осокину.

– Слышу, – отозвался тот деревянным голосом.

– Как ты себя чувствуешь?

– Чувствую, – не меняя ни тона, ни тембра голоса, ответил Осокин.

– А чаво? Водки ему надо-от дать, – сказал Осип. – Верно, Саныч? – повернулся он к сидящему на краешке кухонного стола Астахову-младшему и, не дожидаясь, пока тот что-то сформулирует, протянул руку за бутылкой и, плеснув водки в стакан, протянул Осокину:

– Пей! Тот машинально допил кофе, взял у Осипа стакан и вылил его содержимое в плотку. Сморщился и сказал:

– Это... лягу.

– Только пистолет у него забрать надо, – назидательно сказал Осип, – я смотрю, он ничего не соображает. Он и до этого размахивал стволом, как граблями, а таперь мало ли, что ему попритчится.

И Осип, вытянув из-за брючного ремня Осокина пистолет, положил оружие в пустую салатницу и накрыл сверху крышкой.

– Папа, ты, кажется, говорил, что готов разрешить нам уехать в любую точку планеты, лишь бы только... в общем, вот так? – вдруг подал голос Ваня.

Это были первые его слова после того, как он сказал Осокину, что убил Астахова-старшего, причем искренне в это верил, полагая, что хоть одна из пуль, да и попала в Александра Ильича.

В голосе Ивана Саныча на сей раз не звучало ни иронии, ни горечи. Если откинуть обстоятельства, при которых стали возможны эти посиделки на кухне, можно было бы подумать, что сын искренне интересуется мнением отца: действительно ли тот готов предоставить отпрыску возможность посмотреть мир?

Астахов-старший посмотрел на сына и ответил:

– Да. Я же сказал. Или ты думаешь, что твоя глупая выходка с пистолетом и люстрой заставит меня изменить свое мнение.

– Я это самое... не хотел... – угрюмо сказал Иван, глядя в стену.

– Ладно, не оправдывайся. Все мы хороши. Вот что: я не только не помешаю тебе выехать за границу, но и даже смогу посодействовать при выборе места жительства. Быть может, временного, а может, и постоянно обоснуешься. Родственники у нас там живут.

– У нас что, родственники за границей? – недоуменно спросил Иван Саныч. – Что-то никогда не слышал.

– Да ты много чего никогда не слышал.

– Это верно, – буркнул Астахов-младший, припомнив моменты из личной биографии отца, которые стали известны ему только сегодня. – Родственники, значит? Это где же?

– В Париже.

– В Париже? – переспросил Иван. – Ничего себе! Цветы эмиграции? Диссиденты? Все господа в Париже, как говаривал блаженной памяти Полиграф Полиграфович Шариков? Гм... и давно эти наши родственнички в Париже кукуют?

– Давно, – сказал Александр Ильич. – Лет тридцать пять. Дядя твой родной. По матери, естественно. Он в свое время на самом деле из себя диссидента корчил, ну и выслали его к чертям собачьим.

– К чертям собачьим – это на Колыму или в Якутию, где на собачьих упряжках катаются, – скептически выговорил Иван Саныч. – А этот дядя – в Париже. И что, он такой гостеприимный, что прямо-таки сразу нас примет в объятия и завещает все свои богатства?

Александр Ильич улыбнулся той натянутой резиновой полуулыбкой, не открывавшей зубов, которая так не нравилась его сыну, и сказал:

– Насчет завещать – это вряд ли. Он своим родным детям ничего не дает, не то что гостям. Я бывал в Париже несколько раз, встречался с ним... ну что могу сказать – скряга редкий. Он свои диссидентские взгляды давным-давно позабыл, он теперь, верно, и слова такого не выговорит: диссидент. Обычный старый рантье, зачерствевший от скупости в пригороде Парижа, потому как в спальном районе он жить не хочет, говорит – дорого. Хотя у него вроде как есть особняк, доставшийся от родителей жены, да еще квартира в элитном районе Парижа, но он все это сдает, а сам живет в небольшом доме в пригороде.

– А каком ентом пригороде он живет? – спросил Осип с таким видом, как будто был знатоком географии Большого Парижа и мог совершенно точно указать, чем Сент-Антуанское предместье отличается от предместья Сент-Оноре и на сколько лье протяженность Булонского леса уступает данному параметру леса Сен-Жермен.

– В Сен-Дени, – ответил Александр Ильич. – Дом с садом. Он там в саду копается с таким видом, как будто если он не разведет несколько грядок капусты, помидоров и не насадит винограда с персиками, то незамедлительно умрет с голоду. Прямо как у нас дачники-пенсионеры.

– Ну, у нас дачники персиков-от не разводят, – сказал Осип, на этот раз – со знанием дела. – И что, Ильич, ты хочешь нас сбавить ентому родственничку, да?

В голосе Осипа явственно звучали недоверие и подозрение: с некоторых пор Осип потерял все основания доверять своему старому знакомому.

– Что, Осип, не хочешь в Париж? – насмешливо спросил Астахов-старший. – Персики разводить не хочешь? Я помню, ты ведь в свое время тоже на поприще садоводства-огородничества подвизался, а? Это когда ты на кладбище сторожем работал, в палисаднике баклажаны и редиску с укропом сажал, а потом тебя самого чуть не посадили. И уволили за то, что прямо из могилы свистнули какого-то авторитета вместе с гробом. Ему там, помнится, в гроб и мобильников насовали, и цепур голдовых, весь новорусский прикид, в общем.

– Уволили... – проворчал Осип. – Ничаво себе – уволили! Дом сожгли вместе со мной! Хорошо еще, что я в подпол улез и огонь огуречным рассолом заливал-от.

– Рассолом? – вдруг спросил со своего места оцепенело-каменный Осокин.

– А ты вообще молчи, статуя командора! – с неожиданно прорвавшейся злобой рявкнул на него Иван Саныч и повернулся к Осипу:

– А ты, стало быть, на кладбище работал? Тогда тебе в самый раз в Сен-Дени жить.

– Это еще почему? – проворчал Моржов.

– Потому что в соборе Сен-Дени похоронены все французские короли, – ответил Астахов-младший. – Будешь вдоль могилок прохаживаться, пыль веничком с плит сдувать. Плохо, что ли?

– Хватит ерничать! – перебил его отец. – Уже доерничался, непонятно, как жив остался до сих пор. Ты что, не понимаешь, что ты в федеральном розыске, нет? И этот Дьяков догадывается, для каких фруктов делает загранпаспорта, не понимаешь? Серьезнее надо быть. А я дело говорю. Вам нужно ехать в Париж. Этот твой дядя – человек со связями, богатый, ушлый, хотя и скряга, каких в России вообще нет, по-моему. У него в Париже полно знакомств, так что, может быть, к делу он тебя, Ванька, приставит. И Осипа тоже. Не пыль с королевских могил, конечно, сдувать, но все равно, мало ли дел для серьезных, – на слове «серьезных» он сделал особый интонационный нажим, – людей?

– А вот я скажу, – произнесла Настя. – Паспорта я завтра получу, так что ехать надо. Понятно? А ты, Ванька, не дури. Если у тебя есть родственники не где-нибудь, а в Париже, то нужно этим пользоваться. Александр Ильич, – обратилась она к Астахову так запросто, как будто знает его уже давно и как будто не пожаловал этот самый Александр Ильич в сопровождении киллера к ним в гости с намерениями, которые трудно назвать миролюбивыми, – Александр Ильич, а у этого дяди... как его зовут?...

– Степан Семенович.

– ...а у этого Степан Семеныча есть сын?

– Да он и сам еще ничего, – иронично отозвался Астахов-старший, остро сверкнув холодными светло-серыми глазами и поведя подбородком. – А сын у него есть. Зовут Николая, по-нашему – Николай.

– И симпатичный? – в тон Астахову насмешливо осведомилась Настя.

– Да ничего. Ростом под два метра, и вообще атлетичный парень. Он даже в ночном клубе стриптизером работал, до тех пор, пока не стал совладельцем этого самого клуба.

– Да ну? – восхитилась Настя. – Владелец парижского ночного клуба...

– ...это звучит гордо! – желчно договорил Иван Саныч, которому, по всей видимости, не нравились расспросы Насти. Отец смерил его пристальным взглядом и бросил:

– Да ты что, Иван, ревновать, что ли, вздумал? Брось. Николая, конечно, парень ничего, не такой задохлик, как ты (Иван яростно выдохнул и конвульсивно сжал кулаки, машинально подавшись в сторону папаши-оскорбителя), да вот только есть один маленький нюанс: женщинами он не очень интересуется.

– А, черт! – разочарованно выдохнула Настя.

– По крайней мере, мне так показалось, – подвел черту Александр Ильич. – Но это ничего...

– Ну?

– У Степана Семеновича есть еще один отпрыск, который женщинами интересуется, – сообщил Астахов-старший.

– Ага!

– Это его дочь Элиза, – закончил Сам.

Настя и Иван Саныч недоуменно взглянули друг на друга и внезапно разразились нервным хохотом. Осип пробурчал что-то вроде «чаво?», и только Осокин, откинувшись спиной к стене, смотрел прямо перед собой мутными глазами, помешивая ложечкой в почти пустой кофейной чашке.

– Ну, повеселитесь, – милостиво разрешил Александр Ильич. – Посмотрю я, как вы на таможне веселиться будете. Особенно на Ваньку в бабских шмотках посмотрю.

...Как выяснилось чуть позже, Александр Ильич Астахов оказался прав: посмотреть было на что.

А сейчас он поднялся с табурета и, приложив руку к голове, поморщился и уже не без тревоги окинул взглядом Осокина, а потом пододвинул к себе телефон и набрал какой-то номер, позже оказавшийся травматологическим отделением в платной саратовской клинике.

– Але, Ефим Борисыч? – наконец произнес он. – Это Астахов говорит. Да, тот самый. Можешь прямо сейчас посмотреть парня? Что? А, ну да. Я так подозреваю, что черепно-мозговая. Привезем. Ага. Ну все.

Он положил трубку и, искоса глянув на Ивана Саныча, проговорил:

– Ну все, драгоценный сын, ехать мне пора. Чердак будем твоему братцу смотреть. У него, кажется, что-то там с кукушкой.

– Э, погоди, – подал голос Осип, – чаво это ты заторкался: ехать, ехать? Ты куда ни ехай, Ильич, а усе равно нам боком выходит. Сейчас говорил с Ефим Борисычем, доктором, а раз – и он окажисси Ментом Иванычем. И загребут нас, родимых, под белы ручки. Не-е-ет, не пойдет. Давай-ка ты лучше у нас расквартируисси. А энтот твой раненый лучше пусть водки-от выпьет. Сразу кукушка образумицца.

– Это он правильно говорит, – сказал Иван Саныч, с подозрением глядя на отца и с неприязнью – на одереженевшего Осокина. – Это он...

– ...правильно говорит, – раздраженно перебил его Астахов-старший. – Это я уже слышал. Значит, не хотите меня выпускать, боитесь, что я прямым текстом, как говорится, вас сдам? Да глупо это. Я считал вас умнее. Мне невыгодно вас сдавать. Это же жуткий скандал и для меня в том числе. Я же не могу пробавляться паллиативными мероприятиями, проще говоря, идти на полумеры: мне или вас сразу в гроб, или надежно упаковать за границу, чтобы вы и сами жили, и мне не мешали. Неужели непонятно?

– Щас-то ты добрый... – угрюмо проворчал Осип.

– Добрый? Кой черррт – добрый!! Да если бы ты только знал, Осип, я мог бы уже сто раз вас запалить, если бы только захотел. Ты меня в туалет отпускал?

– Ну...

– Я в туалете один оставался?

– А чаво ж, тебе ишшо что-то подержать надо?

– Вот видишь, – заключил Александр Ильич, а потом полез в карман и извлек оттуда микроскопических размеров мобильный телефон, который в темноте можно было принять за плоский спичечный коробок западноевропейского образца: – А вот это видишь? У меня тут в памяти есть номерок начальника Управления ФСБ по Саратовской области, достаточно только нажать на одну кнопочку, чтобы пошло автоматическое соединение. Дальнейшее, думаю, пояснять не надо? К тому же, дорогие мои, если бы я хотел вас сдать, я мог бы и не делать этого сегодня. У меня слишком много возможностей организовать вам прописку в камере, чтобы устраивать квартирную возню с вызовом группы захвата на дом. В конце концов, нам еще вместе добираться до Москвы, а потом регистрироваться на рейс Москва – Париж.

Иван изумленно засопел и выговорил:

– Ты что, полетишь с нами в Париж?

– Нет, разумеется. Я просто хотел сказать, что вас легко снять с этого рейса при регистрации. Так что, дорогие мои, – Александр Ильич сделал многозначительную паузу, – если вы хотите раз и навсегда уверить в том, что я вас не сдам, то следует принять к исполнению то, что уже попытался сделать мой любезный сын Ванюша.

И он холодно глянул на Астахова-младшего.

– Который из двух? – отпарировал тот. – У тебя, папа, слишком роскошный выбор сынов Иванов, чтобы говорить так неопределенно.

– Ладно, – перебила его Настя, – хватит собачиться, сделаем проще: я сама поеду с Александром Ильичом и Осокиным, тем более что они, по всей видимости, потом вернутся в Мокроусовск, куда мне надо завтра к утру. За паспортами. А ты, Осип, не крои такой подозрительной физиономии, потому как с такой миной ты автоматически будешь задержан в

аэропорту как потенциальный преступник и носитель антропологических стигматов по Ломброзо.

– Чаво? – хрюкнул Осип. – Стиг... мать... м-мать твою! Ты че, Настька?

– Bravo, Анастасия, – одобрительно проговорил Александр Ильич, – решительно вы самый умный человек из всей этой пестрой компании. Только откуда вы знаете о теории Ломброзо?

– А моя мама была экспертом-криминалистом, – беспечно откликнулась Настя. – Она развелась с моим папашей после того, как установила его биологическую предрасположенность к совершению преступлений, а потом поймала на том, что по ночам стреляет из «воздушки» по котам, а еще ворует мясо из щей. Как Васисуалий Лоханкин.

Осип настороженно крутил головой. О Васисуалии Лоханкине он ничего не слышал, но самое это имя ассоциировалось у него с одним киевским следователем с короткой фамилией Лох, который в семьдесят первом распорядился устроить Осипу «пресс-хату»...

* * *

Утро последнего дня Вани Астахова и Осипа на российской земле выдалось на редкость свежим, ясным и погожим. Весь июнь лето недобросовестно относилось к своим прямым обязанностям, но в первый день июля взялось за ум, словно давая пассажирам в аэропорту Шереметьево понять, от чего они отказываются, разлетаясь по всем уголкам земного шара.

На дымный пылающий лик солнца, которое с восьми утра немилосердно жарило, набегали легкие облачка и тучки, наводя приятную прохладу и возрождая уж было испекшееся, как мясо на углях, желание существовать на этой не в меру разогревшейся земле. Дул легкий ветерок и обрывал с веток деревьев капли еще не умершего ночного дождя. Следы его, этого скоротечного ночного гостя, почтившего землю своим вниманием ближе к утру, еще виднелись на взлетных полосах, но таяли почти на глазах.

– И чаво?

Эта фраза была сказана плотным мужчиной в очках и в длинном плаще, который был надет явно не по сезону. Мужчина сидел на огромном коричневом чемодане, пыжился, смахивал с краснокирпичного лба капельки пота, но упорно держался и плаща не снимал.

Его спутница, миловидная рыжеволосая девушка с насмешливыми зеленовато-голубыми глазами и очень светлой кожей, в отличие от мужчины, была одета куда как скудно, чем и привлекала внимание двух довольно неряшливого вида господ, переговаривавшихся между собой на каком-то размазанном, как масло по сковородке, тарабарском наречии, в котором ни один звук не выговаривался по-человечески.

Именно такое мнение о средстве их общения высказал мужчина в плаще, то есть Осип, но рыжеволосая девушка Настя Дьякова только скептически передернула точеными плечиками и заметила, что это тарабарское наречие без единого по-человечески произносимого звука новоиспеченному Иосифу Михаловичу Новожену придется слышать довольно часто, потому как это «наречие» – ни что иное, как чистый парижский диалект французского языка.

Астахов-младший, Осип и Настя приехали в Москву из Саратова, благо прямого авиационного сообщения Саратов – Париж пока что не наличествовало. Добрались они, к собственному приятному удивлению, без эксцессов, если не считать того, что Ваня Астахов по пути объелся раков и на полдня уподобился употребленной пище, валяясь с красной, словно бы вываренной рожей, вытаращенными глазами и скорчившись, как пациент лечебницы для страдающих церебральным параличом.

Вот и сейчас Ваня нарывался на неприятности: где-то ошивался, в то время как...

– Заканчивается регистрация на рейс такой-то, Москва – Париж. Заканчивается регистрация...

Осип повернулся к Насте и проговорил:

– Заканчивается? И чаво? А где Ванька шляисси?

– Ванька? Ты хотел сказать – Жанна? – усмехнулась Настя и демонстративно повернулась спиной к продолжающим обсуждать достоинства ее фигуры двум французам.

– Да какой хер разница? Лишь бы пришел... пришла, черт его разберет, кто он щас такой, в платице-то! А то, того и гляди, опять в буфете где-нибудь застрял, пиво жабаёт и водярой запивает!

– Женщина не может пить пиво и запивать его водкой, – назидательно проговорила Настя. – Это ваша, мужиков, прерогатива – пьянствовать.

– Так ты это Ваньке скажи!

– Сей-час, – выговорила Настя, глядя поверх плеча Осипа, и ее лицо отвердело и приняло сумрачное, озабоченное выражение. – Скажу.

Осип проследил направление Настиного взгляда и, хлопнув себя широченной ручищей по колену, головокружительно выругался, встав со своего варварских размеров чемодана. Два француза замолчали, с интересом прислушиваясь к роскошным Осиповым выражениям, а один даже вынул записную книжечку и что-то записал. Вероятно, увековечил кудрявую моржовскую ругань, чтобы перенести ее, как нетленный образец чистого русского языка, во Францию и привить на тело русской диаспоры Парижа.

Надо сказать, что у Осипа были все основания так ругаться. Достаточно было взглянуть на появившегося в сфере видимости долгожданного Ивана Саньча Астахова, он же Жанна Николаевна Хлестова по паспорту, и все ветвистые синтаксические конструкции Осипа начинали казаться недостаточными в плане воздействия на «Жанну».

Ваня был пьян.

Этот в недалеком будущем «парижанка» выписывал ногами кренделя, которые могли бы сойти за коленца в заливчатой пляске, если бы Астахову-младшему вздумалось утверждать, что он пляшет. Но в том-то все и дело, что он и не думал плясать.

Платье, в которое был облачен Иван, чтобы соответствовать обозначенному в паспорте полу, угрожающе сползало с плеча.

Уже на подходах к Насте и Осипу Астахов расплылся в глупейшей улыбке и послал воздушный поцелуй. Причем, по всей видимости, первоначально он принял за Настю и Осипа двух французов, которые прервали свой разговор о Дьяковой и с интересом уставились на новый потенциальный объект своего пристального внимания. В конце концов, французы есть французы, хотя, бесспорно, не все представители этой нации соответствуют поучительному анекдоту-катастрофе:

...падает самолет, в котором летят англичанин, русский и француз. В самолете только один парашют, и англичанин, как истый джентльмен, предлагает отдать его стюардессе.

Англичанин:

– Парашют – для леди.

Русский:

– Парашют этой жабе? Да хрен ей в рот!

Француз:

– А мы успеем?

Тем временем Ваня приблизился к французам и, еле разминувшись с одним из них, тут же навернулся через поклажу другого (маленькую кожаную сумочку, просто-таки микроскопическую на фоне Осипова чемодана) и, несомненно, не удержал бы вертикального положения, если бы один из бравых галлов на поддержал «даму». Ваня преглупо ухмыльнулся и

пропел щенячьим фальцетом, от которого стоявший невдалеке Осип незамедлительно пришел в ярость:

– Мм... ерси... м-месье!

Француз ответил длинной фразой, из которой никто из троицы Осип – Настя – Ваня не понял ровным счетом ничего, Астахов бочком выскочил из объятий гостя столицы, напоследок еще раз продемонстрировав свои познания в иностранных языках сакраментальной фразой «Гитлер капут!».

Француз липко улыбнулся вслед «Жанне Николаевне», вероятно, подумав, что перелет Москва – Париж обещает быть не таким уж скучным...

Общими усилиями Ваню протащили через пункты контроля и загрузили в салон авиалайнера, причем Осип и Настя не без оснований опасались, что могут возникнуть проблемы с допуском Вани на борт самолета. Незадачливого пьянчужку бухнули в кресло, незамедлительно пристегнув ремнями на случай возможных эксцессов. Стюардесса подозрительно покосилась на эту странную девицу, потиравшую подбородок с таким видом, словно она с сожалением ощупывала щетину, предполагая, что пора бы уже побриться.

Осип осклабился, сделал движение бровями, что пора бы стюардессе прекратить разглядывать пьяного Астахова, и ту как ветром сдуло.

К облегчению Моржова, Ваня утихомирился и задремал.

Проснулся он уже в воздухе. Выглянул в иллюминатор и, увидев, как за бортом плывут плотные облака, в прогалах которых мелькает зеленовато-бурое тело далекой земли с загнанными в него блестящими клинками какой-то реки и притоков, проговорил:

– Э-э... это мы над чем летим?

Осип осуждающе глянул на него и пробурчал:

– Над Магаданом. И чаво ты напилси? Потерпеть до городу Парижу не мог, што ли? Где ты так напоролси?

– Не зуди, Осип, – отозвался Ваня и с трудом удержался от того, чтобы не икнуть. – Это самое... там такая беспошлинная торговля... магазин. «Дутти фри» называется, что ли. Вот... я смотрю, там все так... ну, думаю, надо приобрести немнога-а. Вот.

– Приобрел и тут же употребил, – мрачно предположила Настя, которая разглядывала путеводитель по Парижу с картинками. – Да? К тому же, как мне кажется, эти самые «дутти фри» уже позакрывали. Или нет?

– Не... ну ты... – промямлил Иван, то более сказать ничего не успел, потому что к ним подошла стюардесса и, сообразив на лице сладенькую рабочую улыбочку, пропела:

– Прошу прощения... э-э... вон те господа просили передать вам бутылочку вина и бокалы, с пожеланием выпить за их здоровье.

– К-какие? – натужно выговорил Осип, усиленно пялясь на коленки служительницы воздушных путей.

Стюардесса изящно повернула голову и выразительно посмотрела на двух мужчин по другой стороне салона, сидевших у иллюминатора и показательно в него смотревших. Впрочем, они тут же обернулись, словно почуяв взгляд стюардессы, и, выведя на смуглые лица, как заставку на экран монитора, белозубые улыбки, обнаружили свою коварную капиталистическую сущность: это были те самые два француза, которые так галантно удержали от падения в аэропорту Ваню Астахова.

– Ишь курочупы хрэнцузские, – откомментировал Осип, подозрительно щурясь на иностранцев, – чаво это они подлаживаются? Выпить за их здоровье...

Стюардесса отлакированно улыбнулась.

– Ага, – незамедлительно подал голос Иван, вскинув голову, – в-выпить за их здоровье? А они что... больны? Сами не могут выпить... с нами?

Стюардесса только улыбнулась и поплыла по проходу между креслами, доступная, как весь гражданский флот. Астахов смерил взглядом бутылку в руке Моржова, сдавленно икнул и прокудахтал:

– Ить... винцо-то какое претенциозное. Ну... отпу-ко... откубо-ри... отпу-ко-бо... – И, отчаявшись произнести сложное слово «откупоривай», Ваня рывкнул совсем не женским голосом, вызвав нездоровое внимание жеманного молодого человека неподалеку, облаченного в ядовито-зелененькие кожаные штаны, подмалеванного и эклектично мелированного:

– Да открывай, болван!

– Ти-и-ише ты! – зашипел на него Осип. – Чаво орешь, да еще таким басом?

– А че такое? – осведомился Ваня. – Ннну? Граждане иностранцы расстарались, угостить нас решили, а ты теперь их подарки крысить будешь, падла? Небось не тебе прислали! Тебе если что и присылали, так только повестки в суд.

И он, повернувшись к французам, приветственно помахал им рукой. Те заулыбались и разом заговорили.

– Допрыгаесси ты, Саныч, – мрачно предрек Осип, косясь на детей солнечной Франции. – Енти интуристы думают, шо ты баба. Смотри, как вздрючат и в хвост и в гриву, мало не покажется. Он ж, хрэнцузы ети, грят, без разницы, мужик или баба... по минетам специализируются. Никакой стоматолог не... енто...

– Открывай, ты! – толкнула его в бок Настя, которая тоже потеряла терпение; верно, процесс теряния терпения был форсирован Осиповыми разглагольствованиями о сексуальных пристрастиях, отличающимися особым натурализмом и лесоповальной грубостью.

Иван Саныч, обрета союзницу, хитро подмигнул помрачневшему Осипу и гнусаво запел:

– Пора-пора-порадуемся-а на своем в-веку... эк!.. красавице и ку-у-убку, счастливому клинку-у!...

– Ты, Жан недобитый, мать твою... замолчи!

– ...судьбе не рrrраз шепнем: меррси боку!! – пропел Ваня, и французы, расслышав последние слова Астахова и сочтя их благодарностью в свой адрес, закивали головами, а один из них приподнялся с кресла, очевидно, намереваясь переместиться ближе к русским...

* * *

– Жа-а-ак!

Тишина долбила в уши, солнечные лучики, протискивающиеся сквозь крону раскидистого дерева, нагло шарили во всклоченной шевелюре и лезли в глаза высокого сутулого человека в потертом пиджаке, стоявшего возле высокого забора и пристально разглядывающего старенький темно-зеленый «Рено». От усердия человек даже склонился к самому капоту, сантиметр за сантиметров просматривая эмаль, поводил пальцем по фаре и, развернув большой рот, в котором на верхней челюсти справа не доставало два зуба, снова заорал басом:

– Жа-а-ак!!

Из низкого кирпичного строения выглянул средних лысый мужчина в засаленной джинсовой куртке и серых брюках и, зябко поежившись, неверными шагами направился по выложенной трещиноватыми гранитными плитками тропинке к шербатому лохмачу.

– Иди сюда, Жак! – снова заорал тот. – Иди-ка сюда, разоритель!

– Да, месье Стефан, – боязливо выговорил тот. – Иду, месье Стефан.

– Жак, сколько я тебе велел купить бензину?

– Три галлона, месье.

– И где они, твои три галлона? Где они, твои три галлона? Бак пустой!

– Месье Стефан, вы, верно, запомнили, что сами отливали в коричневую канистру, чтобы поставить в погреб. Вы еще употребили такое странное русское выражение: poigr... э-э-э...

– На черный день! – перебил его месье Стефан. – Знаю я вас, воров! Только и норовите, что стянуть у хозяина! А откуда ты знаешь, что я переливал бензин в канистру? Ты же, верно, подсмотрел, а потом и снес своему братцу-клошару, чтобы он жег мокрые дрова в своей халупе, от которой давно уже отрубили отопление.

– Да нужен ему ваш бензин! – обиженно пожал плечами Жак. – Он, если надо, и так купит себе бензин. Зачем ему ваш-то? Тем более у него и машины нет.

– А вот и врешь, негодяй! – запальчиво возразил месье Стефан. – Да там достаточно только на рожу его взглянуть, чтобы ясно было: прохиндей.

– Неправда ваша, – возразил обвиненный во всех грехах, к коим были приплюсованы грехи его семейства, несчастный шофер, – мой брат хороший человек. Бедный, да, но он же работает, а не ворует. А вот мой дядюшка, тот и вовсе держит кафе возле «Стад де Франс».

– Работнички! – буркнул хозяин, продолжая разглядывать попеременно то капот своей машины, то свое отражение в лобовом стекле. – Работнички... а почему вот тут капот поцарапан? Ты что, не понимаешь, что из-за этой царапины, может быть, придется перекрашивать всю машину? Не понимаешь, нет? Да ничего ты не понимаешь, болван и ничтожество! – перешел на личности вспыльчивый месье Стефан, уязвленный в самых светлых чувствах, а именно – чувствах частного собственника. – Знал бы ты, почем нынче ремонт в авторемонтных центрах! Эта проклятая шлюха Шаллон, мать ее бандерша, искусственно вздувает цены на ремонт, потому что ее паскудный муженек, Шуазель, совладелец целой сети таких авторемонтных центров! Мэрша хренова!

И, разочаровавшись в способности выразить свои чувства французской руганью, месье Стефан перешел на отборный русский мат и разразился монологом, приводить даже облегченные цитаты из которого едва ли целесообразно по цензурным соображениям.

– Зря ругаетесь, месье, – обиженно проговорил работник, – вы неправы. И семья у меня приличная. Конечно, на ту зарплату, которую вы мне платите, не расшикуешься, а мой брат снимает скверную каморку и перебивается на пособие, но зато мой дядюшка...

– Черт бы побрал твоего дядю и все его семейство! – рявкнул месье Стефан. – Нет, ты лучше скажи мне: какого дьявола ты накопил такую прорву продуктов? Я вчера холодильник открыл и чуть было не обомлел! И куда столько продуктов? А? Что молчишь? Даже ананасы купил! Ты что, негодяй, разорить меня хочешь!

Бедный Жак, исполнявший в доме своего нанимателя такие разнородные должности водителя и повара, съезжился и пролепетал:

– Так ваша дочь, Лиз, просила, чтобы...

– Черт знает что! А если бы она попросила тебя купить Лувр, ты что, побежал бы вприпрыжку исполнять это идиотское требование? Пусть не строит из себя великосветскую парижанку! Пусть помнит, что ее отец родом из Сибири, где вобще никто и не подозревает, что существуют на свете ананасы, бананасы и прочая буржуйская отребень!

Месье Стефан уехал из России много лет назад, когда об «ананасах-бананасах» в Сибири действительно были наслышаны куда меньше, чем, скажем, об ЛТП и всесоюзном коммунистическом субботнике. Его работник Жак, как уроженец парижского предместья, о России и вообще не имел понятия и полагал, что по улицам русских городов ходят медведи в ушанках и валенках, распивающие русский водка. Поэтому он насутился и проговорил:

– Месье Стефан, то мы-то, слава богу, во Франции, поэтому... почему бы не отметить день рождения мадемуазель Элизы как полагается? Все-таки двадцать пять лет. Юбилей. Четверть века, стало быть, – добавил он с неким намеком на торжественность, но это пышное

чувство было враз сметено, как одуванчиковый пух порывом ветра, агрессивным окриком хозяина:

– Вот именно! Вот именно: четверть века! Другие в ее возрасте давно живут отдельно от родителей, учатся, работают, помогают отцу-матери, а эта толстая квашня, – месье Стефан снова прибавил несколько пышных синтаксических конструкций на родном языке, – а эта жаба сидит на шее у доброго папочки и только и знает, как залезать в кошелек да в холодильник, причем – в мой кошелек и холодильник!! Потому что своих у нее нет и не предвидится! Да, Жак... а тебе я хотел сказать, что ты уволен!

– Но позвольте... – начал было тот, но хозяин уже повернулся к нему спиной и снова начал было разглядывать капот, страдальчески вздыхая и нацеливаясь было прокрутить в своих скупердяйских мозгах, во сколько ему обойдется капитальный ремонт чудовищной царапины на краске... но как раз тут он дернул нижней челюстью и закинул лохматую голову так, словно хотел, чтобы его затылок пришел в тесный контакт с позвоночным столбом.

Потому что он увидел, как по дорожке сада прямо по на направлению к нему, месье Стефану, направляются трое молодых людей, чью наружность хозяин счел бы подозрительной, одежду – вызывающей, а выражение лиц – угрюмым и не обещающим ничего хорошего.

Все трое были наряжены в пестрые шелковые рубахи и одинаковые кожаные штаны, потому чем-то походили на бродячий филиал цирковой труппы; дополнительный колорит внешнему виду молодых людей придавали длинные, ниже плеч, волосы. У одного, идущего первым мордастого детины, чем-то смахивающего на безобразно разжиревшего Жана-Поля Бельмондо в молодости, волосы были распущены, у второго стянуты в сальную косичку и обсыпаны какой-то блестящей пудрой, а третий, губастый негр с плоским широченным носом, красовался с дредлоками, то бишь многочисленными мелкими косичками.

Что, надо сказать, придавало ему откровенно бандитский вид.

Рожа идущего первым детины была решительной и угрожающей. Он протаскился через клумбу, вбив какой-то плюгавый цветок глубоко в чрево земли, и вот тут месье Стефан не выдержал:

– Да что же ты творишь, болван?

«Болван» глянул на хозяина: сквозь крону внушительной яблони на него выплывало красное лицо месье Стефана, бугристый обезьяний лоб, по которому муравьями ползали попеременно то вертикальные, то горизонтальные складки, и над лбом в пышной хаотичной позиции, известной в России под наименованием «взрыв на макаронной фабрике», – парящие кудлы.

Зрелище было еще то.

Детина сразу же замедлил шаг. Так, что идущий следом нигер тупо вписался носом в его затылок.

– Папа... – выговорил детина, обходя дерево, – я это... тут...

– Я вижу, что ты тут! – перебил его месье Стефан. – Более того, ты тут топчешь мои клумбы, а не ты на них горбатишься!

«Еще чего не хватало, старая ты жопа,» – подумал волосатый сынок месье Стефана, но вслух сказал, разумеется, совсем другое:

– Папа, я случайно. Ты же знаешь, я люблю цветы. Природа там всякая, птички, попугаи... крокодилы. Я думал, что ты в доме.

– Нет, не в доме, – резким неприятным голосом выговорил месье Стефан. Тембр этого голоса резко поменялся: с поваро-шофером Жаком он говорил внушительным тягучим басом, словно мешал кисель, изредка роняя в этот кисель вишенки отборных русских ругательств. С сыном же месье Стефан говорил мерзким петушиным фальцетом, даже подсакивая от переизбытка эмоций и усиленно гнусая в нос даже больше, чем того требует акцентная тональность французского языка.

(В запасе у него еще имелся скрипучий голос с дребезжащими стариковскими интонациями, но его он приберегал для совершенно других случаев.)

– Нет, я не в доме, Николя, – внушительно повторил месье Стефан. – А, как видишь, на лужайке. Я только что уволил Жака.

– Уволил? Жака? За что? – изумился Николя, прекрасно знавший, что во всем Париже со всей Францией в придачу не найдется второго такого идиота, чтобы за гроши совмещать работу шофера и повара, как то делал Жак. – Кто же у тебя теперь будет работать?

– А вот сам я буду работать, – упрямо сказал месье Стефан. – Да. Сам. И эту жирную дуру Элизу, твою сестру никудышную, заставлю. А то что у нее за работа... никакой корысти. Продавщица в забегаловке! – брезгливо фыркнул он, запуская в свои волосы не слишком-то чистую пятерню.

Месье Стефан стыдливо умолчал о том факте, что Элизе два раза предлагали перспективную работу, но для поступления на нее нужно было окончить короткие курсы и пройти платное тестирование. Щедрый папа счел, что полторы тысячи франков – это непосильная сумма для такого пожилого и одинокого холостяка, к каковым он себя жалостливо причислял.

– Она же хотела работать в России, – сказал Николя, переходя на довольно приличный, с легким акцентом, русский язык, – ты же сам говорил, что этот наш родственник из Петербурга предлагал ей работать у него в фирме. Как его – Астакхофф, что ли?

– Все они там, в России, – бандиты, – уклончиво ответил месье Стефан на родном же языке. – Нечего...

Если бы он читал булгаковское «Собачье сердце», то, бесспорно, подумал бы про себя, что именно таким тоном, каким только что были сказаны им слова про панбандитизм в России, Полиграф Полиграфович Шариков говорил профессору Преображенскому: «Ну нешто я не понимаю? Коты – другое дело... а слон – животная полезная...»

– Я не об этом хотел, вообще-то, – продолжал Николя на русском, – ты вот что, папа... у меня вышла такая заминка...

– Какая заминка? – насторожился месье Стефан, выпятив подбородок и сделавшись похож на Пьера Ришара, как если бы знаменитому французскому актеру вздумалось сыграть роль жадного Гарпагона по «Скупому» Мольера.

– То есть... скорее... затруднение.

– Какое затруднение?

Николя поскреб в затылке, вероятно, подобным мануальным способом намереваясь расшевелить извилины головного мозга, и выговорил:

– Одним словом, я попал в труднейшую ситуацию. На меня наехали.

– Qu'est que se – «наехали»? – медленно выговорил месье Стефан. – Ты что, попал в аварию? – Он оглядел сына немигающим железобетонным взглядом и проговорил, соорудив в голосе нечто вроде заботы: – Вроде не помят.

– Ты не понял. Я владею дансинг-клубом. Недавно там была драка... по недосмотру охраны... и убили парня. А этот парень – латинос из...

– То есть что? – перебил его отец. – Драка? Но причем тут я? Я же не могу воскресить этого парня.

– Да, но ты можешь воскресить меня, – сказал Николя, покосившись на своих спутников, ни слова не понимающих их диалога отца и сына, благо, повторюсь, разговор шел на русском языке. – Потому что я, можно сказать, уже наполовину труп.

Месье Стефан выдвинул нижнюю челюсть еще дальше, сгорбил свою и без того сутулую спину, и его большая голова медленно въехала в тощие плечи.

– Не понял, – наконец сказал он.

Стоящий неподалеку Жак хмыкнул.

– Мне сказали, что если я не дам отступного, то меня закопают, – сказал Николя по-французски. – Вот так. Я хотел... я хотел просить у тебя тысяч пятьдесят франков. У меня сейчас... сейчас у меня плохо с деньгами, и я... я хотел бы вот так. Я верну при первой возможности. Хочешь – с процентами.

Лицо месье Стефана приняло сардонический оттенок египетских мумий:

– Э-э... десять... тысяч?

– Пятьдесят.

– Десять тысяч – чего?

– Франков! Не итальянских лир же!

– И ты пришел с этим ко мне?

– А к кому мне идти? – выговорил Николя. – Все-таки ты мой отец, и у тебя, я знаю, есть деньги.

– Кто? Что? – Месье Стефан засуетился и начал оглядываться. – Деньги? Какие деньги? Да ты, Николя, верно, нездоров. Иди приляг.

– Скоро прилягу! – в голосе сына послышалось плохо скрываемое раздражение. – В лучшем случае – на Пер-Лашез, а в худшем зарюют на помойке, как собаку! Папа, ты что, не понимаешь, что меня могут убить? Нет?

– Но деньги... – забормотал месье Стефан. – Деньги! Откуда у меня деньги? Это же подумать только – тридцать тысяч франков! Тем более – пятьдесят. И ты что, решил, что у меня есть пятьдесят тысяч франков? Нет, ты скажи!..

Николя передернул атлетическими плечами.

– Тысяч?... Да, верно, счастлив тот человек, у кого есть пятьдесят... нет, даже сорок тысяч франков? – продолжал бормотать месье Стефан, вычерчивая пальцем на капоте своей машины какие-то непонятные узоры. – А, Жак?

– Что, месье Стефан?

– Я говорю, верно, счастлив тот человек, у которого есть пятьдесят тысяч франков?

– Да, конечно.

– Хотел бы я, чтобы у меня было пятьдесят тысяч фран... нет, хотя бы... три... тридцать тысяч. А! – Месье Стефан вспомнил, что перед ним стоит угрюмо насупившийся сын, а за его спиной находятся двое подозрительного вида молодцов. – Надеюсь, ты, Николя, не подумал, что у меня есть пятьдесят тысяч франков?

– Ты, папа, заговариваешься.

– Что? (Когда создавалась необходимость, месье Стефан прикидывался тугим на ухо, хотя обладал прекрасным слухом и не менее прекрасным зрением.) Ты что-то сказал?

– Я сказал, что ты, папа, мог бы меня выручить, ссудив пятьдесят «штук».

– Это кто тебе сказал? – всполошился месье Стефан. – Тебе это кто-то сказал? Что будто у меня есть такие деньги, и вообще?... Ну так вот я что тебе скажу: ты плюнь в глаза тому человеку, который тебе это сказал.

– Как – плюнь? – не понял Николя.

Если бы месье Стефан помнил Ильфа и Петрова, он не замедлил бы процитировать Остапа Бендера, советовавшего плевать «слюной, как плевали до исторического материализма». Но он слишком давно уехал из варварской страны, где со слезами на глазах фабрикуют смешные безделушки про двенадцать стульев и двух жуликов, которые гонятся за дутым сокровищем. И потому он ответил так, как мог:

– Тот человек, который тебе это сказал – негодяй и брехло. Жак, ты можешь себе представить, что у меня могли бы быть пятьдесят тысяч франков?

Тот мотнул головой, как стадный бык-осеменитель, и попятился, потому что увидел, что из-за спины негра с дредлоками вынырнула бейсбольная бита.

– Вот видишь, – с облегчением заключил месье Стефан, который бейсбольной биты еще не видел. – Я тебе, Николя, сочувствую, но мне кажется, что ты того... сгущаешь краски... да. Может, это все происки семейки Шаллонов? Они же всегда хотели меня очернить, подставить... и моих семейных тоже, конечно. Эта жаба Анька Шаллон, мэр хренов, только и думает... как бы...

Месье Стефан окончательно бы запутался в своем безвыигрышном словоблудии, но Николя не дал ему довершить этот путанный монолог и взревел:

– Да ты что, папаша, совсем рехнулся? Нет, ты ничего не понимаешь? Меня убьют! Убьют!!! Какие там Шаллоны?! Там банда, банда арабов и латиносов, дьявольская мешанина выблядков со всего земного шара! И если я от них не откуплюсь, мне один путь – на тот свет, мать твою!

Николя говорил по-русски, но его интонации были вполне космополитичны и общепонятны, так что негр перебросил бейсбольную битку из левой руки в правую, а парень с сальной косичкой поднял плечи и согнул руки, отчего под рубашкой вздулись и угрожающе заходили мощные мускулы.

Месье Стефан увидел это. Он раскрыл и перекошил рот, но вместо трубных звуков оттуда просочилось только нечто раздавленное вроде «ке...ле...ме...», а Николя сказал:

– Не дури, папа. Всем известно, что деньги у тебя есть. Много денег. Я же не просто так прошу, чтоб Христа ради. Я же тебе верну!

– Ах ты скотина... – задушено шепнул месье Стефан, не отрывая взгляда выпучившихся глаз от бейсбольной биты. – Ввон... отсюда... в моем соб... собственном доме... я вы-зо...

– Вызовешь? Не надо никого вызывать, папа, тем более полицию, – ласково сказал Николя. – Это же так просто: пойти в банк, снять с одного из твоих счетов пятьдесят «штук» и поместить этот капитал в меня. Я верну, говорю тебе.

– Вон... отсюда!

Николя ухмыльнулся. Он поднял ногу и наступил ею на розовый куст.

– Плохо, папа, – сказал он. – Винс, иди сюда! – кивнул он негру с бейсбольной битой. – Папа, это Винс, – повернулся он к месье Стефану, застывшему с таким лицом и в такой позе, словно его внезапно посетило кишечное расстройство, – кстати, он бывший профессиональный бейсболист. Лафлеш, – повернулся Николя к парню с засаленной косичкой, – придержи Жака, чтобы он не горячился.

Месье Стефан не стал дожидаться продолжения. Он подпрыгнул, густо заверещал и, путаясь в собственных ногах, бросился к дому...

ГЛАВА ВТОРАЯ. СКУЧНО НЕ БУДЕТ: ПЕРВЫЕ ЗАМОРОЧКИ

Вино оказалось прекрасным.

Вино оказалось прекрасным и дурманящим настолько, что Ваня Астахов, счастливо подвизавшийся в роли эмигрантки Жанны Николаевны Хлестовой, даже протрезвел. Цепкое дурманящее воздействие настоящего французского вина пустило свои корни, как в жирном черноземе, в добротном русском опьянении водкой, которым Ваня осчастливил себя еще в московском аэропорту. Задиристость и дурачество сменились расслабленной улыбкой, и Астахов откинулся на спинку кресла и полуприкрыл глаза, время от времени косясь на французов и думая, что не такие уж они, иностранцы, скупые и подленькие, как кажется большинству россиян и конкретно ему, Ивану.

Особенно после памятной поездки в английский колледж семь лет назад, из которого его, Астахова, выперли с треском и позором за тотальную неуспеваемость и связь с несовершеннолетней дочерью директора колледжа.

Рядом растянулся Осип. Он мелкими глотками попивал вино, и по лицу его расплылась блаженная улыбка. Надо же, думал Ваня, и Осип сумел оценить букет.

А до того казалось, что мужлан Осип с его неизменным «чаво?» и манерами, словно перенятыми у деревянных вояк из сказки про Урфина Джюса, может оценить разве что букет венерических заболеваний.

– Хорошо... – пробормотал Ваня вслух. Может, и к лучшему, что у него нелады с отцом и он уехал из России. За границей он начнет новую жизнь. Все будет прекрасно. Быть может... Ваня выпил еще вина... быть может, ему даже стоит жениться. Да вот хотя бы на Насте. Потому как француженки-то, говорят, сплошь страхолюдные, на плохо маринованных селедках походят.

И ничего, что он, Иван, по паспорту проходит как Жанна. Сущность-то мужская.

Француз поднялся со своего кресла и медленно пошел по проходу. Остановился возле Ивана и что-то проговорил на своем языке. Фраза была длинной, круглой и смятой в самом финале, как будто прокатилась пустопорожняя бочка, скатываясь под гору и разлетаясь на мелкие кусочки.

– Чаво? – за Ваню ответил Осип, поднимая соловьющие глаза. – А, мусью? «...Постойка, брат мусью! Шо там тянуть...» э-э-э... «пора бы к бою»...

Разрозненные и разломаченные цитаты из Лермонтова, по всей видимости, представлявшие собой все, что осталось от школьной программы, освоенной Осипом лет этак сорок назад, были оборваны ленивым Настиним:

– А ничего француз-то. Вань, ты глянь, как он на тебя смотрит-то, а? Это как бы чего не того не получилось, а? – выдала она путаную фразу.

– Ничаво... – бессознательно копируя Осипа, проговорил Ваня и одернул на коленях подол платья. Француз длинно и липко ухмыльнулся и, положив Ивану руку на плечо, что-то сказал, а потом старательно выговорил по-русски, смешно коверкая слова:

– Сюрпри-из, пожайлеста... хараще-е-е.

– Як лицо кавказской нацъенальности гррит, – заметил Осип, разглядывая француза. – Куда это он тебя тащит, енто... Жанна?

Ваня пожал плечами и улыбнулся французу:

– Ну ты, же-не-манж-па-сис хренов? (Ваня вспомнил Ильфа и Петрова, о которых совсем позабыл экс-диссидент месье Стефан, он же Степан Семенович Гарпагин.)

– О! – выговорил француз, потому как упомянутая фраза, как известно, обозначала трогательную жалобу «я не ел шесть дней». – Поиде... поиде.

– Это уже какой-то церковнославянский пошел, – выговорил Иван Саныч. – «Предел преидоша и вола вдовича взяша»... гм.

Но тем не менее встал и пошел с французом по проходу, вероятно, предполагая, что ничего плачевного из этого не последует. Осип скептически посмотрел вслед удалявшейся парочке и проговорил:

– И чаво Ваньке-от нада-а? Куда они поперлися-то? Хранцуза, что ли, никогда не видел? Так насмотрицца еще в ентом... городе Париже. Хотя он ентих иностранцев много видел... он грил, шо Алексан Ильич посылал его учиться в этот... Лондон, – Осип со свойственным ему разбродом в фонетике поименовал столицу Англии с ударением на последний слог. – Или где-то там рядом.

– Да причем тут иностранцы? – поморщилась Настя. – Ты что, забыл, как мы ехали в поезде из Москвы в Мокроусовск? Да Ванька просто на халяву выпить намыливается. Вот и вся премудрость, собственно. А будь то француз или японец, ему все равно.

– Японец водки пить не будет, – мудро отметил г-н Моржов.

– А и француз не будет, – сказала Настя. – Они вино пьют, французы. А япошки твои, между прочим, сакэ хлещут. Водка японская.

– А, – скривился Осип, – знаю. Пил той сакэ. Когда... енто... во Владивостоке грузчиком в порту работал. Только рази это водка, Настюха? Так, баловство одно. И рисом воняет.

В тот самый момент, когда Осип и Настя обсуждали национальные напитки различных народов, француз и пьяненький Ваня Астахов в обличье Жанны Николаовны Хлестовой зашли в туалет. Ваня сам и не понял, как они тут очутились.

Хитрый галл с загадочным выражением лица вынул что-то из кармана и зажал в кулаке, а Иван выговорил ломающимся фальцетом:

– Не... ну ты че? Чего ты меня сюда приволок-то, а?

Француз неопределенно пожал плечами, и в его глазах мелькнуло что-то такое, по чему Астахов понял: до француз дошел смысл его вопроса.

Чего решительно быть не могло, потому что тот не знал русского языка.

Или делал вид, что не знал.

Ваня слабо трепыхнулся, но в тот же момент француз ухватил его за задницу и притиснул к себе; Иван Саныч ткнулся носом в расстегнутую рубашу, и в ноздри полезли клочковатые волосы, густо произрастающие на груди «интуриста». Астахов хотел что-то выкрикнуть, но рот и гортань свело судорогой, и наружу выпростался только слабый булькающий звук, напоминающий кудахтанье придушенной курицы.

Француз, непрестанно говоря что-то, словно обволакивая Ваню липкими, пузырящимися словами, начал давить здоровенной ручищей на затылок Астахова, пытаясь усадить того на корточки перед собой, лицом к взбугрившейся уже промежности, а второй рукой бодро начал расстегивать ширинку тертых светло-голубых джинсов. Вот и влип, прокатилось в голове Вани, вот «тоби и вздрючат в пасть», как сказал бы Осип... а потом все эти испуганные мысли вдавились в мозг Астахова, как мелкие камешки в асфальт под катком асфальтоукладчика. Иван Саныч невольно закрыл глаза, боясь узреть что-нибудь такое, что окончательно заставит его разочароваться в перспективе попасть во Францию, с представителем которой он столь счастливо свел знакомство.

Француз пробормотал нечто вроде «шерше ля фам», и в этот момент что-то влажное коснулось лба Ивана... скорее всего, это просто была рука горячего французского парня, но взвинченному ужасом и отвращением Астахову почудилось нечто такое, отчего по горлу прокатилась горячая тошнота. Ваня дернул кадыком (которого в качестве вторичного полового признака опрометчиво не заметил француз), и его неотвратимо вырвало.

Ы-ы... плюх!

Француз отскочил, как будто его шарахнуло током, и прогрохотал какое-то картавое ругательство.

Ваня откатился к стене и конвульсивно задергал ногами. Одно из этих конвульсивных движений привело к тому, что астаховская нижняя конечность, вооруженная туфлей с длинной шпилькой, угодила в лодыжку француза, и тот, взыв от боли, рухнул прямо на унитаз, угодив подбородком в темный зев санузла...

...а сверху на правах гильотины грозно рухнула крышка унитаза, приплюсвив голову несчастного, захрипевшего от потрясения и боли.

Верно, в самолетах французских авиакомпаний крышки в туалетах не такие гильотиноподобные, а женщины (по крайней мере, существа, одетые в женское) не лягаются, как бешеные кобылы.

Астахов открыл глаза и проморгнул веко, потому что несколько слипшихся то ли от слезной жидкости, то ли от жидкости какого-либо иного происхождения попали в левый глаз. Диковинная картина предстала его взору.

Перед ним, широко раскинув ноги и уткнувшись лицом в унитаз, неподвижно лежал француз. По всей видимости, он потерял сознание.

С живота его что-то капало и сочилось – Иван сразу же добродетельно-пугливо отвел глаза, а тошнота подступила вновь.

Он вскочил на ноги и, замотав головой, начал дергать ручку двери, стараясь как можно быстрее открыть ее, но то ли ручку нужно было поворачивать как-то по-другому, то ли Иван Саныч был слишком пьян или перепуган, чтобы совершить самое простое действие, – но дверь не открывалась.

Астахов поднял кулак и хотел уж было ударить в дверь, но тут его взгляд упал на платье, обтягивающее его фальшивую «женскую» грудь. Ваня испугался: все платье было перемазано в остатках недавнего завтрака и благоухало желудочно-винным экстрактом. «Это надо же так обделаться... нужно помыться, что ли,» – метнулась трусливая мысль и тут же стремительно угасла, как и все мало-мальски здравые мысли во взбалмошном мозгу г-на Астахова.

Он повернулся к рукомойнику, и тут его взгляд упал на француза.

Точнее, на его расстегнутые штаны.

Возможно, если бы Иван действительно был биологической, а не переодетой «женщиной», то его привлекло бы иное: у француза, мужчины в самом соку, было на что посмотреть. В том числе – в штанах.

Но Астахов женщиной не являлся, и потому его взгляд пристыл к совершенно иному: карман штанов интуриста рисовался приятным четырехугольником бумажника.

Ваня хмыкнул. Потом почесал накладным ноктем в затылке, отчего бутафорный маникюр едва не сошел на «нет», и присел на корточки возле француза. Его взгляд блудливо заматался по стенам, словно таким манером Иван Саныч надеялся изгнать из себя нечестивые и, что самое существенное, преступавшие Уголовный Кодекс помыслы.

Но все было тщетно. Астахов задрожал и, не в силах совладать с собой, взялся двумя пальцами за угол бумажника и потянул его на себя.

Тот легко подался.

Иван Саныч прикусил губу, доедая помаду, и раскрыл «лопатник» француза.

Здесь обнаружили паспорт на имя месье Эрика Жодле, несколько крупных купюр во франках и долларах, а также несколько кредитных карт, среди них «Master Card», крутая «Visa Gold», а также карта какого-то крупного лионского банка. Кроме того, здесь лежала плоская пластиковая (а может, и не пластиковая, Иван сразу не понял) коробочка с золотым тиснением на лицевой поверхности в виде изящного женского профиля. «Камея, – скользнуло в мозгу Ивана вне зависимости от его сознания, как будто кто-то продиктовал эти слова

извне. – Хотя нет, камей – это гемма с выпуклым изображением. А тут врезное. Красиво. Кажется, врезное изображение – это называется инталия, – с отчетливостью, присущей профессиональным кроссвордистам бессознательно отметилось в голове. – Ладно...»

И он, подумав, положил во внутренний карман две сотенные долларовые купюры и карточку «Visa Gold», а потом, подумав, присоединил к ним плоскую коробочку с инталией.

...Умные учатся на чужих ошибках. Дураки учатся на своих. Иван Александрович Астахов, по всей видимости, не попадал ни в одну из перечисленных категорий людей, потому как был лишен способности учиться даже на своих ошибках. Если бы было иначе, то он вспомнил бы поезд Санкт-Петербург – Москва – Саратов и лежащего на полу купе Осокина, у которого он стянул пиджак. В пиджаке тогда оказалось роковое удостоверение следователя Генпрокуратуры РФ, причинившее Астахову столько бед и едва не отправившее его на суд, более высокий и компетентный, чем даже Верховный суд России вкупе с Генеральной прокуратурой. Имеется в виду рай или ад – нужное подчеркнуть.

Если бы он вспомнил об Осокине, то не стал бы брать ни денег, ни карточки, ни коробочки с инталией. Особенно – последней.

Если бы он только знал, в какое адское варево вовлечет его этот выбитый на белой поверхности изящный женский профиль. Если бы он только мог прикоснуться к темной поверхности того омута, куда затянет его эта коробочка и этот глупый приступ kleптомании, – омута без права вынырнуть и заглотить синеющими от удушья губами хоть чуть-чуть остывающего воздуха, чтобы потом снова погрузиться в слоистое месиво без дна и права памяти...

Он даже не увидел себя сидящим над зеркалом черной реки, сначала на мосту Мирабо в Париже, а потом на Литейном в Питере, обреченным, обхватившим голову руками, как тисками, день будет сливать кровавые помои заката за горизонт и замешивать дурное темное тесто ночи, а он, Иван, он будет сидеть на корточках, прижавшись щекой к выжатому холоду каменных перил и ничего не видя вокруг себя. Ничего, кроме черной поверхности воды с расплывающимися от редкого дождя кругами да сонно роящихся на черном зеркале реки звезд, роняющих по лучику слепой и далекий, равнодушный лик свой.

Ничего этого он не знал, не мог знать, да и не хотел вовсе.

Нет. Иван просто переложил часть найденного в кошельке в свой карман, даже не задумавшись о том, что будет, если француз установит факт пропажи уже на борту самолета. Установить виновного не составит никакого труда.

– А и хер с тобой... пожиратель лягв, – пробормотал Иван и несколькими решительными движениями смыл с себя рвоту. А потом открыл дверь и, выйдя из туалета, тут же наткнулся на стюардессу.

– Там иностранцу плохо, – выговорил он, и его повело в сторону.

Стюардесса нарисовала на круглом веснушчатом лице улыбку и посмотрела на него полупрезрительным взглядом, и Иван Саныч поспешно добавил:

– А мне принесите соку. Хватит пить...

* * *

После этого то ли комичного, то ли трагичного происшествия Иван притих и не сказал ни слова даже в ответ на подковырки Осипа.

А они были как никогда ядреные и обидные, особенно если учесть, что Осип прохаживался по гипотезам происхождения мокрых пятен на платье Ивана, поминая при этом хлестким словом Монику Левински.

Впрочем, к счастью для Ивана, который сидел, окоченелый, как полярный исследователь в чуме коренного жителя, самолет вскоре зашел на посадку на посадочную полосу

знаменитого аэропорта Шарль де Голль. После объявления этой информации Осип Моржов не замедлил пройти по поводу сомнительного, на его взгляд, названия аэропорта, а когда узнал от Насти, что таково имя самого знаменитого французского президента, то на весь салон пробасил:

– Да это негоже, чтобы так президентов звали. Не-е. А чаво ж? Голль. Голь... на выдумки хитра. Эта-а несерьезно. Дык это все ж равно, как если у нас генсека звали не Хрущев, а Голожопкин.

– Тогда уж скорее Гологоловкин, – замысловато отозвалась Настя, верно, вспомнив характерный облик Никиты Сергеевича. – Скорее уж так.

Осип не возражал.

Иван же изредка косился в сторону многострадального француза, недавно занявшего свое место в кресле. У того значился кровоподтек на подбородке и были залеплены пластырем бровь и лоб. Француз же и вовсе не поднимал глаз, избегая встречаться взглядом со свирепой «русской женщиной». Осип заметил это, равно как заметил кровоподтек и пластыри, и глубокомысленно заявил:

– Ну чаво ж... и под Бородино они тоже проиграли, ежкин крендель.

Как только борт самолета объявили открытым, Иван Саныч подхватился бежать к выходу, лихорадочно тиская в кармане похищенное у француза. Он уже жалел, что взял эти жалкие купюры и эту отвратительную кредитку, а также – черт знает зачем! – эту коробочку с бабским профилем. Игра не стоит свеч, овчинка не стоит выделки!

...Клептомания, мил друг Иван Саныч.

Впрочем, страдания Ивана Александровича на этом не кончились: всех пассажиров загнали в какое-то двухэтажное здание, состоящие исключительно из ажурных алюминиевых каркасов и громадных стекол, где тонированных, где витражных, а где и самых обычных, но размером с витрину огромного супермаркета. Все здание было нашпиговано легкими лестницами, просматриваемыми со всех сторон.

Когда пассажиров, как стадо баранов, загнали в здание и закрыли все двери, Ваня ткнулся носом в плечо Осипа и пробормотал:

– И чаво?

– Откуда ж мне знать? – пожал тот плечами. – Это ты, Саныч, катался по загранкам, а я все больше по лесоповалам терся. Да я только раз за границей был, когда полез купаться в речку и перепутал берега... в общем, вылез на китайской территории.

– Да документы посмотрят и печати шлепнут, – сказала Настя. – Сейчас эти, французские полисмены и прочая братия, придут, паспорта глянут – и все.

– Ага... – пробормотал Ваня. – Эх... в-выпить бы.

Осип соорудил неодобрительную гримасу примата, обделенного обеденной трапезой в зоопарке, и снял очки.

– Надень, дядя Осип, – посоветовала Настя, – у тебя без них рожа топорная.

Явились полицейские комиссары, или кто они там, пробормотал себе под нос Иван Саныч. Толстый усатый француз быстро посмотрел документы Насти, шлепнул печать и с любезной улыбкой протянул ей документы.

Мотивированность этой сладкой ухмылки представителя власти Настя оценила позже, когда вышла из здания аэропорта и прямо возле него увидела страшных французских проституток, представлявших собой неаккуратную помесь галльской тощеватости и негритянской бесформенности: все они преимущественно были мулатки, причем мулатки бу.

На их фоне Настя была писаной красавицей.

Осип остановился против комиссара и, вынув из кармана ядреный саратовский огурец, невесть как доживший до Парижа, с хрустом откусил его, а потом скосил глаза вбок, где до

невозможности декольтированная мини-юбочная дама наклонилась и поправляла застежку на босоножке.

– Dennez moi votre documentes, – внятно выговорил комиссар, в упор глядя на Осипа.

– Чаво? Да не понимаю я по-хранцузски. Вотре... Докумен... а, ну да. – Осип протянул документы французу и снова возвратился к рассматриванию красотки, на которую уставилась вся мужская половина пассажиров, за исключением жеманного педераста в зеленых кожаных штанишках. Ваня Астахов, номинально не числившийся в мужчинах, тоже выпялился на задницу бессовестной гостьи Парижа.

Тем временем комиссар начал рассматривать паспорт Осипа, а потом что-то спросил у него. Естественно, на французском языке. Осип повертел головой, потом ухмыльнулся и проговорил:

– Да ты чаво, хранцуз, сумлеваешься, что ли? Я это, я. – Осип даже по старой эковской привычке повернулся в профиль, чтобы комиссар смог его обозреть:

– Ннну?

Француз что-то сказал двум полицейским, те подскочили к Моржову и мгновенно его обыскали, время от времени тыча пальцами в бока русского туриста; Осип пожал плечами, совершенно не смутившись подобным нарушением прав человека, и спокойно перенес экзекуцию.

В этот самый момент у красотки в мини-юбке расстегнулась вторая босоножка.

Иван Саныч по-жабьи выпучил глаза и конвульсивно дернул руками.

И тут как раз закончили досмотр Осипа, шлепнули ему печать и выпустили на вольную территорию. Осип вышел из здания, остановился у окна и начал буравить взбаламученного Астахова насмешливым взглядом маленьких, неопределенного цвета глазок.

И вот произошло непредвиденное.

Иван Саныч протянул комиссару паспорт и почувствовал на себе взгляд его цепких оливковых глаз, узко расставленных по сторонам от длинного вислого носа; боковым зрением он выхватил соблазнительную картинку – красотка продолжает показательно застегивать босоножку, – и вдруг, облившись потом, почувствовал, как в туго обтягивающее его, Вани, ноги платье предательски начинает вгрызаться на предусмотренный женской анатомией орган.

Не в первый раз темперамент Астахова играл с ним дурную шутку.

Ваня съезжился под оливковыми буравчиками француза и принял позу Венеры Милосской, стыдливо прикрывающейся от чужих взглядов (или, что еще ближе к истине, занял позицию футболиста, стоявшего в «стенке» перед пробитием опасного штрафного).

И тотчас же ему в спину метнулся жаркий басок, в котором он к собственному ужасу признал задушенный голос своего туалетного «приятеля». Того самого, что по паспорту значился как Эрик Жодле.

Или кто он там бы на самом деле?

В голосе Жодле вибрировали недоумение и гнев.

Неужели?... Неужели – обнаружил пропажу?!

Полицейский комиссар глянул в Иванов паспорт, вслух, сильно коверкая русские ФИО, произнес:

– Кхлестово-а Жо-анна Нико-ела-я... oui?

Проклиная на чем свет стоит всех блядей и потаскушек мира и конкретно декольтированную мымру в поясной юбке (черт бы побрал ее босоножки с галошами!!), Ваня судорожно вжал руки в платье, не желая обнаруживать свою мужскую сущность, и обернулся.

Прямо к нему, злобно ругаясь чистым, без примеси акцента, русским матом, размашистыми шагами приближался «туалетный француз»...

Русский мат!!

Комиссар, все так же приглядываясь к Астахову, неторопливо поставил печать, Ваня одной рукой буквально вырвал паспорт из рук парижанина, а второй подхватил свой чемодан и прошмыгнул за ограждение. Правда, при этом он отпустил руки, и его ни к месту возставший мужской орган, подпрыгнув, натянул подол платья.

Глаза комиссара и двух полицейских полезли на лоб.

Ваня припустил к двери, пользуясь замешательством представителей капиталистической законности, выскочил на улицу, а в затылок ему, ероша и поднимая дыбом волосы на голове, плашмя шмякнул сочный, как широкая русская оплеуха, вопль на русском же языке:

– Бля, да держите эту суку, уррроды!

«Сука» затравленно хлопнула дверью, «уроды» выпали из секундного ступора и рванули к двери. Быть может, они и нагнали бы путавшегося в непривычной юбке Астахова, но тут обокраденный «француз» Жодле сам испортил положение: он оттолкнул комиссара и попытался было преодолеть заграждение без всякого штампика, а когда полицейский приемом свалил его на пол и сам, не удержавшись на ногах, грузно упал на пассажира, Жодле выхватил из кобуры полицейского пистолет и дважды выстрелил в Астахова.

По ушам всех собравшихся, оторопевших от такого поворота событий, полоснул чей-то дикий визг.

Одна из пуль угодила в перекрестье алюминиевого каркаса, а вторая, рассадив стекло, ушла на вольный парижский воздух, оставив после себя дыру пулевого пробоя с разбегающимися от нее тоненькими трещинками.

– Ой, бля! – выговорил Осип, отскакивая от стены плюющего пулями здания, а Иван Саныч подскочил к такси и, сунув шоферу сто баксов, заорал по-русски:

– Вези, еб твою мать! Осип, че ты торкаешь свой чемодан? Садись, бляха-муха!

– О дела! – промычал Моржов, вертя головой, а Настя, бросив закуренную было сигарету, первую сигарету в Париже, прошмыгнула в салон такси.

Шофер ударил по газам, по всей видимости, прекрасно поняв, что от него требуется, хотя едва ли ему приходилось бывать в переплетах, подобных настоящему: все-таки Париж – это не Медельин и не Мехико, до последней возможности нафаршированные криминалом.

Отъехав от аэропорта на несколько кварталов, он повернул голову к Ивану и проговорил скрипучим, до довольно приятным голосом, и, к немалому удивлению гостей Парижа, на чистом русском языке:

– Ну что, только из России? «Хвост» за собой привезли, да?

– А, черт... – пробормотал Иван Саныч, а Осип обрадовался:

– Енто что, ты наш, русский?

– Ага, – ответил таксист, – тут много русских. Большая диаспора, особенно в предместьях – в Сен-Дени там, ну и так далее... Куда везти-то вас?

– А вот ты сказал Сен-Дени. Вот туда, знаешь ли, и вези, – отозвался Осип.

– «Знаешь ли...» Знаю, конечно. Тут совсем близко. Смотри, – он показал в лобовое стекло, – видишь спортивный комплекс? Ну, стадион! Вон там – «Стад де Франс»!

– Это котор?

– Это где наши французов обыграли 3:2, когда Панов два гола забил? – оживился Иван Саныч, который был страстным поклонником футбола.

– Ну да, – сказал шофер. – Да куда ты смотришь? Не там вовсе. Как говорят гиды: «Стад де Франс» встречает гостей, высадившихся в аэропорту Шарль де Голль, еще в пути, – деловой скороговоркой, удачно копируя интонации профессиональных гидов, сказал таксист с коварной усмешкой. – Стадион виден и из окон электропоезда по линии номер 13, станция Saint-Denis – Porte de Paris, и тем более с шоссе. Трудно не обратить внимания на оригинальную конструкцию, напоминающую летающую тарелку: крыша-диск подвешена

на стальных тросах, которые спускаются с восемнадцати мачт. В общем, видишь? – перешел на нормальный тон водила.

– Ну да!

– Ну вот, там и есть Сен-Дени.

Осип почесал в затылке, разглядывая открывшуюся его глазам панораму, и буркнул:

– Да ты, быть может, даже знаешь, коли наш, русский: Степан Семеныч Гарпагин – слышал такого?

По строгому лицу таксиста внезапно брызнула саркастическая улыбка, при которой на его смуглом лице образовались глубокие морщины, а шея аж повисла складками, словно «жабры» у попсового отечественного певца Витаса. Таксист рассмеялся беззвучным смехом и выговорил:

– И что ж вас к этому другу человечества дернуло-то, гости дорогие?

– А родственник он, – пискляво сказал Ваня Астахов, неожиданно для себя самого обнаружив в своем голосе нотку обиды, – мой. А че «друг человечества-то»?

– Сам поймешь.

– Стало быть, ваш Париж тоже как большая деревня – все друг друга знают, – заключил Осип.

– Вот уж нет! – возразил тот. – Девять миллионов – это тебе деревня, что ли? Просто я тоже живу в Сен-Дени, там много иммигрантов, русских особенно. А в Сен-Дени Степан Семеныч – фигура известная. Кстати, вам удивительно повезло: я могу довезти вас прямо до его дома, я просто знаю, где Гарпагин живет.

– Это чем же он так известен? – язвительно спросила Настя.

– Да хотя бы тем, что, имея черт знает сколько миллионов в банках, причем, что характерно, не в трехлитровых, как у нас в России, а в швейцарских, – при всем при этом он умудряется жить если не как нищий, то, по крайней мере, как сильно стесненный в средствах человек. В одном пиджаке уже несколько лет ходит, не снимая. Зубы ему жалко вставить. Детей вообще не... а, что о нем говорить? – проскрипел водитель.

– А мы к нему в гости приехали, – разочарованно отозвался Иван Саныч.

– А вот это зря вы. Гостей он не любит. Да и сам в гости не ходит, думает, что все только и думают о том, как бы у него побольше денег выманить или просто ограбить.

– Красно-от ты говоришь для таксиста, – подозрительно сказал Осип. – Это что же такое?

Шофер засмеялся:

– А тут все просто. Я до того, как уехал во Францию, преподавал в университете. Я же доктор наук, профессор бывший.

– Каких ето наук?

– Технических.

– Ух ты! – воскликнул Осип. – Не слабо! Никогда не видел профессора. У нас был один такой – Профессором тож погоняли, да только его на распиловке бревном зашибло. Ядреное бревно-от было... кедровое.

Пока Осип болтал с водителем, Настя и «Жанна Николаевна» во все глаза смотрели в окна. «Париж, надо же – Париж,» – несколько раз повторила Дьякова, очевидно, желая втолковать самой себе, что она в самом деле попала в столицу мира. Н-да... на фоне мокроусовских индустриально-ассенизационных пейзажей контраст был особенно ярок и очевиден.

Машина ехала по дороге, с двух сторон обсаженной зеленеющими деревьями. Справа был разбит большой сквер с высоченными ажурными фонарями, а слева уже выплывала громада знаменитого собора Сен-Дени. От собора ехали недолго: машина свернула в переулок, который почему-то напомнил Осипу его собственную деревню, только со сплошь новыми

двухэтажными домами и с роскошными палисадниками, в которых и возле которых ходило бесчисленное количество собак с хозяевами и без оных.

Таксист остановил машину возле забора, возле которого густо разрослись яблони, вишни и особенно виноград. За почти непроницаемой зеленой стеной слабо угадывались контуры небольшого дома в глубине сада; дом сиротливо уткнул в голубое небо две ветхие башенки, в свое время, верно, неказисто скопированные с башни собора Сен-Дени. Разумеется, в пропорции один к черт знает сколько.

– Пожалуйста, – сказал шофер своим характерным скрипучим голосом. – Он живет вот здесь. Кстати, вам, кажется, скучно не будет: там какой-то шум. Наверно, опять у Семеныча денег просят, – добавил он на прощание, глядя, как Осип выгружает свой и Настин багаж. – Если что, то я живу на соседней улице, такой дом с желтым забором. Возле старой часовни. И уехал.

* * *

– Мерзавец! Ска-а-atina!! А-а-а... бива-ют!!

Вопли летели из глубины сада один за другим.

– Yy-y-y!!

– Тэк-с, – поевжившись, произнес Иван Саныч, – мы, кажется, из огня да в полымя. От одной драки уехали, к другой приехали.

– Но орут-от, кажись, по-нашенски, – бодро выговорил Осип.

— Вот это мне и не нравится!

– Вот что, – сказал Моржов, снимая очки и убирая их во внутренний карман пиджака, – ты, Настюха, покада посиди на чумоданах, а мы с Санычем, то бишь енттой... Жабой Николавной наведеам родственничка. А то хто-то орет, как будто его, как хряка, режут. Ну-ка, Саныч!

Иван Александрович боязливо поежился, но, поймав на себе насмешливый взгляд Насти, присевшей на чемодан Моржова, выругался про себя и последовал за Осипом, чья широкая спина уже мелькала меж зеленых парижских насаждений.

Глазам гостей из России предстала следующая сцена, которую по всем характеристикам следует отнести к числу батальных.

На капоте машины лицом вниз лежал взлохмаченный мужчина, его держал за шею и за руки, заведенные за спину, волосатый здоровяк с раскормленной мордой повара-дзюдоиста и замысловатой татуировкой на руке, – а мускулистый негр с растрепанными дредликами методично колотил бейсбольной битой по заднице незавидно загнутого к машине господина, что-то непрестанно бормоча на диком наречии, которое Осип, при всей его нелюбви к французскому языку, таковым все-таки признать не мог.

Негр, по всей видимости, бил не со всей силы, а скорее профилактически, играючи, но лохматый мужик верещал так, словно к нему применяли изощренную новорусскую пытку утюгом или паяльником. Кстати, тоже часто апробируемую на филейных частях тела.

Чуть в стороне на земле лежал еще один мужик, лысый, в засаленной и протертой на локтях джинсовой куртке, и отчаянно дергался, напоминая червяка на крючке. На его груди покоилась здоровенная ножища в прихотливой туфле с прорезями и кусочками замши по бокам. Нога и туфля принадлежали еще одному амбалу с длинными же волосами, стянутыми на затылке в косичку.

– Хороша страна Хы-ранция!.. – изумленно выдохнул Осип Моржов, прикладывая руку к плохо выбритой щеке. – Ну и пикничок по-парижски, ничаво себе. А, Саныч? – повернулся он к Астахову, прятавшему лицо в подоле своего маскировочного платья.

Трое верзил синхронно обернулись. Бейсбольная бита словно пристыла к задку господина, распятого на капоте авто. Последний завертел головой и проверещал по-французски, но с интонациями русского деревенского вора, которого застали за доением колхозной коровы-передовика:

– Да что же вы!.. Ой-ой... помогите! Вызовите по-ли-цию!!

Столь содержательная французская фраза мало чем отличается от аналогичной русской, поэтому Осип решительно шагнул вперед и, почему-то подмигнув экзекуторам, пророкотал бодрячковым голосом:

– Бонжур. Енто... я не парле... э-э-э... тут живет мусью Гарпагин. Степан Семенович. Гарпьягин... Степьян Семьенович, – добавил он, наверно, полагая, что уродование русского имени как-то поможет французам понять, что ему, Осипу Моржову, собственно, надо.

– Я Гарпагин, я и есть Гарпагин! – на чистом русском заверещал лохматый мужчина и вдруг, изловчившись, лягнул негра с бейсбольной битой в самое уязвимое для всякого мужчины место, да так, что тот с воем повалился на траву и задергал ногами, разоряясь в бессвязном вое, среди длинных звуков которого Осип и Иван Саныч, к собственному удивлению, обнаружили родную русскую речь в представительстве неопределенного артикля «бля» и галлицированного словечка «падля-а-а»!

Без дальнейших введений и нудных церемоний знакомства волосатый амбал врезал по спине Гарпагина, а потом широко шагнул навстречу Осипу и с треском вклепил свой каучуковый татуированный кулак в бульдожью щеку Осипа.

Голова гостя из России дернулась, Моржов почесал в затылке и проговорил:

– Ну чаво тебе сказать-от? А ничаво-от не скажу. Зря ты это, паря.

С этими словами Осип поднял кулак и ударил по лбу горе-француза, а именно – Николя. Незадачливый сын Степана Семеныча, почувствовав на своей черепной коробке привет с исторической родины, некоторое время буравил Моржова округлившимися глазами, а потом без предисловий свалился на траву, подломив под себя ноги.

Третий амбал, снял ногу с груди засаленного мужика, глянул на Осипа, потом перевел взгляд на Ивана, который отвел подол платья от лица и косил одним глазом, – и вдруг рванулся в сторону, как заяц, которого согнали с тропы, и, перепрыгнув через забор (два метра между прочим), бросился бежать по направлению к раздолбанному желтому «Пежо».

– Весело, – наконец выдавил Иван Саныч. – От чего уехали, к тому и приехали. Нарочно, что ли?

Степан Семеныч, кряхтя и выдавливая из себя неразборчивую мешанину из французской и русской брани, поднялся с капота «Рено» и придирчивым, несмотря на все перенесенные невзгоды, взглядом собственника окинул машину: не поцарапали ли, когда били по заднице битой.

Потом обернулся и, прищулив на Осипа глаза с таким видом, словно у него была близорукость по меньшей мере в семь диоптрий, произнес по-французски:

– Вы кто?

– Не... я по-вашему ничаво, – отозвался Моржов.

– Русские?

– А чаво ж, не видно по мне, что не хранцузы? – отвечивал тот.

– Видно... – недовольно пробурчал Степан Семеныч. – Из России?

– Нет, из Буркина-Фасо, – блеснул знанием географии Осип, а потом перешел на более обстоятельный и серьезный тон:

– Мы, можно сказать, только что с трапа самолета. Из ентог... Шарля де Голля.

– А-а-а, – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, протянул Гарпагин. – И чем обязан?

– Просто мы с вами, некоторым образом, родственники, – подал голос Иван Саныч. – Вот. Моя мама, Елена Семеновна, ваша сестра. Родная.

Степан Семеныч непонимающе посмотрел на самопровозглашенного родственника и пробормотал:

– Что-то я не расслышал... верно, не так? Э-э-э... я-то думал, что у моей сестры Лены и Астахова ее – сын, а тут оказывается – дочь. Нестыковка получается.

Астахов махнул рукой и открыл было рот, чтобы пояснить, что он женщина только по платью и загранпаспорту, что были обстоятельства, по которым он не мог выехать из России под своим настоящим именем, но Осип опередил его:

– Вот чаво, Степан Семеныч. Вас ведь так зовут-от, верно? Вы же не заставите Ваньку раздеваться и показывать свою доказательству, что он не баба? Так было нужно-от. Мы шас усе вам разъобьясим.

Гарпагин посмотрел на корчащегося на траве сына и его друга, почесал в лохматом затылке и, согнувшись еще больше и выставив лицо с торчащим крючковатым носом и длинным подбородком, выговорил:

– Все-таки я что-то не понимаю. Не понимаю, да. А что вам нужно?

Ване Астахову почему-то стало непреодолимо смешно. Он с трудом подавил приступ хохота и отозвался еще одной классической цитатой:

– Я к вам пришел навеки поселиться. Надеюсь найти у вас приют.

Нет надобности говорить, что цитату Гарпагин не оценил. Более того, он смотрел на Ивана со все растущим подозрением, а потом вдруг гаркнул:

– Знаю я вас! Это все штучки дурацкие! Вы заодно с этим мерзавцем и ничтожеством Николя меня норовите надурить! Да только не на того напали.

И, царственным жестом простерев руку по направлению к Астахову, выговорил:

– Вон отсюда, пока я не вызвал полицию!

– Вы, кажется, уже звали полицию, – пробормотал Астахов, – только она не больно рвалась вас спасать. А вот мы вам помогли, и вы же нас гоните.

– Вот такой бонжур, ежкин кот, – ни к селу ни к городу встрял Осип.

– Я вас не знаю, – возразил Гарпагин. – Все вы, из России, бандиты и жулики. Вот вы говорите, что племянник, а выглядите, как племянница (Ваня дернул подол платья и тихо выматерился), а думаете и вообще бог весть что. Может, целите меня ограбить.

Категоричные суждения Гарпагина по понятным причинам не устроили Ивана Саныча. Он открыл было рот, чтобы возражать, и неизвестно сколько продолжались бы эти смехотворные препирательства, если в этот момент на арене, некоторым образом, боевых действий не появилось новое лицо. Точнее, личико – круглое, в меру глуповатое и немного конопатое, но в целом довольно милое.

Личико принадлежало пухленькой молодой женщине лет двадцати трех – двадцати восьми. Подобный разброс в определении возраста объяснялся телосложением девицы: она была довольно толста и являлась счастливой обладательницей внушительного бюста, мясистых покатых плеч и пышных бройлерных бедер, из-за которых иной турецкий султан решился бы перешерстить гарем, чтобы найти место для новой жемчужины.

Впрочем, у дочери Степана Семеныча Гарпагина, парижанки по рождению, была открытая русская улыбка и чуть выпуклые коровьи голубые глаза, встречающиеся у крестьянок на полотнах русских художников.

При виде ее Осип шмыгнул носом и хмыкнул.

В пухлой веснушчатой руке, похожей на плюшку с тмином, Лиз Гарпагина держала трубку радиотелефона.

– Папа, тебе звонят из Питера, – сказала она по-русски, однако же слово «папа» прозвучало с французским прононсом и с ударением на последний слог. – Это месье Астахов,

твой компаньо... ой, Николя! – увидела она валяющегося на траве окровавленного братца. – Что с тобой?

Гарпагин повернулся к ней со стремительностью, которую сложно было заподозрить в его тощем анемичном теле, и рывкнул:

– Да что ты трещишь, сорока! Чего тебе? Подождет разговор!

– Астахов? – оживился Иван Саныч. – Так это ж, поди, папаша звонит!

И он, широко шагнув, взял трубку из рук оторопевшей дочери Степана Семеныча:

– Але, папа! Ты, да? Это я, Иван! Мы уже добрались. Доехали, дошли... до ручки! Объясни, пожалуйста, дражайшему родственнику, что мы не собираемся его грабить, а то он нас чуть ли не в погромщики записал.

– Ничего удивительного, – прозвучал отчетливый голос отца. По всей видимости, Александр Ильич нисколько не был удивлен тем, что к трубке прорвался сын. – Я так чувствую, ему скучно не будет. С вами-то. Ладно, давай сюда старого скупердя. Я ему дам расклад. Ты, Ванька, ему денег предложи после. Сразу по-другому заговорит.

– Ага.

– Ну, пригласи его к трубке...

Инцидент разрешился неожиданно быстро. Гарпагин закончил разговор с Астаховым-старшим, и на его лице плавала масляная улыбка.

Иван Саныч внутренне усмехнулся и подумал, что у его отца всегда был впечатляющий дар убеждения.

– Так бы сразу и сказали, – выговорил он. – А то у нас район опасный, все больше иммигранты живут, и русские, и арабы, и латиносы всякие. И мэр Сен-Дени – коммунистка ярая, – неизвестно к чему прибавил он. – Если вы думаете, что если пригород Парижа, так тут все тихо и гладко, так вы совершенно напрасно так думаете. Криминогенный городок, я вам скажу, этот Сен-Дени, да и Париж – баламуть редкая (вероятно, Степан Семенович скрестил русские слова «мутъ» и «баламут»). Негры всякие злобные, арабы. А денег сколько жрет этот город! У меня квартира в Париже, в деловом квартале Дефанс. Так я в ней не живу, сдал ее немцам из Ганновера. Дорого все.

Осипу все эти разглагольствования до чрезвычайности напомнили жалобы на жизнь в исполнении его престарелой тамбовской тетушки, а Иван Саныч просто пожал плечами и последовал в дом, воткнув взгляд в узкую сутулую спину хозяина. Лиза же Гарпагина осталась возле машины, присев на колени и помогая брату встать, непрестанно при этом причитая.

Осип пооглядывался на коленнопреклоненную пышную женщину, до каковых он был большой охотник, и пошел в дом вслед за Гарпагиным и Астаховым-младшим.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СКУЧНО НЕ БУДЕТ: О ВРЕДЕ ТЕЛЕФОННЫХ РАЗГОВОРОВ

– Да вы не кладите сахару в кофе, – таким замечательным манером Гарпагин начал беседу, когда гости присели за стол в довольно просторной кухне, – тут так не принято, это не Россия.

– Да, кофе нынче дорог, – отозвался Иван Саныч.

Степан Семенович не понял иронии. Он закивал и, изредка сбиваясь на французский акцент, залопотал:

– Вот именно, вот именно! Совершенно невозможно планировать семейный бюджет. Особенно когда дети, пардон, сидят на шее у родителей и вообще демонстрируют полнейший моветон. Мой сын Николя, если вы обратили внимание, предпочитает не работать, а выколачивать деньги из отца, причем выколачивать в самом что ни на есть буквальном смысле. – Месье Гарпагин поморщился, вероятно, вспомнив бейсбольную битку негра Лафлеша и ощутив жжение в задней нижней части туловища, а потом продолжал: – Я вообще нахожу, что жизнь во Франции сильно подорожала, особенно после мундиаля.

– Мун... муди... чаво? – пробормотал Осип.

– Мундиаля. Чемпионата мира по футболу. Он был во Франции в девяносто восьмом году, – снисходительно пояснил Иван Саныч уже не деланным фальцетом, а своим обычным голосом, хотя от женской одежды избавиться еще не успел. А у вас, дядя Степан, превосходный русский, хотя вы и жили столько лет за границей, – повернулся он к чудесно обретенному родственничку с топорной лестью. – И как вам удалось сохранить произношение и словарный запас после стольких лет жизни за границей?

– Мерси боку, – буркнул тот. – Как сохранил? А очень просто. Я дома всегда говорю на русском. Даже с Жаком время от времени перехожу на русский. Вот если Жак разозлится, вы увидите, что ругаться он будет исключительно на русском. Привык уже. А с Николя, сыночком долбаным, на французском толком и не поговоришь: в здешнем языке ругательств столько нет, чтобы высказать этому болвану, что я о нем в действительности думаю.

– Это да-а-а... – пропел Иванушка.

Гарпагин, прищурившись, посмотрел на племянника и проговорил:

– На мать похож. На Ленку. Да. А вот вы, Иван, судя по всему, актер. Если не по профессии, так по призванию. Вы прекрасно изображали женщину. Особенно голосом. Некоторые интонации ну совершенно как у Елены, моей сестры. Правда, я подзабыл ее голос. Кстати, как она там?

Астахов недоуменно посмотрел на него:

– Что? Мама? Как? Да по-прежнему.

– Да, – Степан Семеныч задумчиво покачал головой, – она же в Москве живет, а не как Александр Ильич – в Петербурге? И как она? Не болеет?

– Уже нет, – хмуро ответил Иван Саныч. – Она же семь лет назад умерла.

Гарпагин мутно глянул на него и спустя некоторое время закивал:

– Ну да, ну да. Запа... запамятовал. Ладно. Александр Ильич ввел меня в курс дела, – перешел он на деловой тон, – так что я всецело на вашей стороне и полностью вас понимаю и сочувствую.

Осип и Иван Саныч переглянулись с легким оттенком непонимания. Что это такое наговорил Гарпагину Астахов-старший? Надеюсь, не то, что два мелких жулика, явившиеся теперь в Париж, совсем недавно напроказили в провинции, выдавая себя за следователей Генпрокуратуры и состригая на этой основании немереное количество взяток и постоянно попадая в кровавые заварушки, которые в результате стоили жизни не одному человеку?

Хотя Александр Ильич может рассказать и такое.

– Я совершенно с вами согласен, что в России нельзя работать по-нормальному, – продолжал меж тем Гарпагин. – По-прежнему бал правят эти красные. То есть, я бы сказал образно – проржавевшие. Коммуняки. Так что вас можно понять. Вы совершенно верно поступили, что бросили работу в России, да еще на столь опасных и ответственных должностях, и переехали в Париж.

Осип выбулькнул под нос недоумевающее «чаво?» и посмотрел сначала на Гарпагина, а потом на Ваню Астахова: что это такое Степан Семеныч плетет? «Ответственная должность»? Лично за собой Осип числил только одну ответственную должность, да и то давно истлевшую от времени в его таежно-тундровой молодости: «смотрящий» бригады заготовки леса и пиломатериалов в лагере близ реки Индигирки.

– Ничего, – пафосно продолжал Степан Семенович, – Франция оценит вас лучше, чем родина. Александр Ильич упомянул между прочим, что вы люди достаточно высокой квалификации. (Осип уж хотел было протестовать, вклинив, что у него-то квалификация средняя, а вот у одного знакомого «медвежатника» Яши Цыклера в самом деле квалиф высочайший: сейфы щелкал как орехи.) К тому же Александр Ильич упомянул, – тут Степан Семеныч Гарпагин сделал почти что мхатовскую паузу, – что у вас есть деньги. А это немаловажно в таком дорогом городе, как Париж.

Ваня бледно улыбнулся. Намек был понят. По оконному стеклу хлестнула зеленая ручища старой яблони, а в руках Ивана Саныча появилась пачка «зеленых». Жестом Арутюна Акопяна на бенефисе он протянул деньги сразу побледневшему, а потом томно позеленевшему Степану Семенычу и проговорил максимально учтиво:

– Отец сказал правильно. Вот только я подумал, что вы могли бы лучше распорядиться этими деньгами. Ведь они частично на нас же и пойдут, и в результате все вернется сторицей.

Деньги были всунуты настолько грубо и сопровождались таким откровенным подхалимажем, что порядочный человек на месте Гарпагина мог бы и изобразить обиду. Но в том-то все и дело, что, по всей видимости, Степан Семеныч не был порядочным человеком. Жадность съела все лучшее, что в нем было, и просила еще.

Гарпагин принял деньги трясущимися руками, и Иван Саныч уже беспечно спросил:

– Ну так мы поживем у вас пока что?

– А что ж... конечно же... комнаты для гостей есть, – только и выговорил дядюшка Степан Семеныч. – Люди порядочные... Александр Ильич говорил, что таким сыном и племянником гордиться можно. Еще двадцати шести... семи... восьми... девяти... (Степан Семеныч перебирал под столом купюры) то есть я хочу сказать, что еще и двадцати шести нет, а уже вот как – в Генеральной прокуратуре России успел поработать. Это внушает уважение.

Вся кровь отхлынула от лица Ивана Саныча. О черт!! Проклятый папаша! Не иначе это он наплел чушь о Генпрокуратуре этому чудесному дядюшке, злокачественной помеси Плюшкина с Гобсеком!

...Ну конечно! Замечательный родитель всегда отличался откровенностью в тех случаях, когда она не требовалась, а также удачно выдавал за откровенность собственные злокозненные домыслы. Кажется, Гарпагину навесили на ушные раковины именно такое макаронное изделие.

Проклятый папаша!

Иван Саныч нерешительно открыл было рот, чтобы внести незначительные коррективы в сведения, полученные Степаном Семенычем от Астахова-старшего. Нет, он не собирався опровергать утверждения Александра Ильича (сто ершиков от унитаза ему в глотку, контрольный выстрел ему в затылок, заботливому папаше!!), он просто хотел уточнить, что именно сказал о нем и Осипе дражайший родитель.

Но ничего этого он сделать не успел. Потому что как раз в этот момент Степан Семеныч уставился в окно, а потом с просто-таки юношеской резвостью высунулся в форточку и гаркнул:

– Да что же это такое?!

В ответ до него долетел женский голос, явно не принадлежащий Лизе Гарпагиной, и бас Николя:

– А-а... черрртова кукла!!

Осип бултыхнул массивным подбородком, а Иван Саныч сжался на стуле и пробормотал:

– Ну вот, конечно. Настю-то у ворот забыли. Щас она нам покажет – негра с бейсбольной битой...

* * *

Иван Саныч и Осип жили в Сен-Дени уже два дня, но так и не собрались выехать в центр Парижа, чтобы полюбоваться известными всему миру достопримечательностями французской столицы. Вместо этого они обживали отведенные им Гарпагиным две комнаты, которые по странному недоразумению оказались смежными. Обживание новых, с позволения сказать, апартаментов происходило по следующей замечательной схеме: Иван Саныч, едва продрав глаза, нелегально проникал в подвал, который находился непосредственно под его комнатой. В подвале хранились старые выдержанные вина, которые были куплены месье Гарпагиным вместе с домом и с тех пор не были распиты ни на литр.

Осип и Иван Саныч быстро исправили это досадное упущение; для лучшего доступа в подвал, ключи от которого хранились у Степана Семеныча, Осип разобрал пол, и теперь гости из России находились, как говорится, на прямой связи с благородными напитками Франции.

Если бы Степан Семеныч узнал, что драгоценные напитки, к которым он боялся прикоснуться, нещадно льются в луженые русские глотки, больше привыкшие к водке и самогону, – его реакция могла бы быть непредсказуемой и, скорее всего, неблагоприятной для гостей. Достаточно вспомнить, как реагировал незабвенный гоголевский Плюшкин на пропажу крошечного обрывка бумаги, чтобы представить, какие Зевесовы громы и молнии ожидали бы Осипа и Ивана Саныча в случае их позорного разоблачения с винными махинациями.

К счастью, Гарпагина занимало совершенно иное, нежели времяпрепровождение бравых россиян. Его снедали две губительные и, главное, редко совместимые страсти: страх и – просьба не хохотать в голос – острая, выматывающая силы и нервы влюбленность.

Седина в голову – бес в ребро.

Замшелого сен-денийского рантье угораздило влюбиться в Настю Дьякову.

В тот первый день, когда он выглянул в окно, услышав незнакомый женский голос, он увидел потрясающую сцену: Николя, его сын, хлопает яркую стройную девушку пониже спины и вдруг каким-то совершенно непостижимым образом оказывается на траве, откуда поднялся буквально несколько секунд назад, да и то с помощью сестры. Стоящей тут же и наблюдавшей, как незнакомая ярко-рыжая девица с короткой прической и одетая немногим скромнее шлюхи с Пляс Пигаль, сначала опрокидывает огромного, как башня, Николя, а потом ослепительно улыбается негру Лафлешу, который все еще очухивался от удара Гарпагина по причинному месту и сидел на земле, раскачиваясь взад-вперед, как старый еврей на субботней молитве в синагоге на улице Розьер.

Степан Семенович подумал, что это чудовищно, что мало того – наглая девица нарушила границы чужих владений и подняла руку на какого-никакого, но родного сына месье

Стефана, так ведь она еще и возмутительно улыбается при этом и говорит так громко, как будто бы находится не в чистом и культурном парижском предместье, а на горлающем и перекатывающемся ором и грохотом тележек рынке где-нибудь в средней полосе России.

Степан Семенович незамедлительно пожелал вытурить нахалку вон из своих владений.

Но тут ему было суждено узнать, что рыжая девица, обладающая навыками рукопашной борьбы, приехала вместе с Осипом и Иваном Санычем и намерена пожить в его, Гарпагина Эс Эс, доме.

И неожиданно для самого себя Степан Семенович почувствовал радость и удовольствие от этого примечательного обстоятельства, и за ужином, который был непозволительно роскошен для бедного рантье, умилялся тому, как Настя поедала устриц и дорогие сыры, которые, если судить по выражению лица Лизы Гарпагиной, бывали в доме с частотой Апокалипсиса, то есть – не бывали вовсе. Помимо устриц и сыров, на столе наличествовали также грибные фрикадельки, телячий язык в панировке, сосиски «Морто», затем свиная ножка в глиняном горшочке, а также знаменитый *soupe a l'oignon* – луковый суп, приготовленный на основе куриного бульона, с добавлением портвейна и тертого сыра.

Жак блеснул в поварской ипостаси, за что ему еще предстояло быть уволенным который раз на дню.

После ужина Осип долго отплевывался от лукового супа, а Настя позволила Николя, сыну Гарпагина, пригласить себя в ресторан. Николя не ужинал вместе с семьей, он вообще жил в другом месте, но тут снизошел до того, что подкатил к дому Степана Семеновича и изъясил Настю из обращения.

После того, как сынок уволок гостью, а Осип и Иван Саныч заперлись в своих комнатах и начали пить, Степан Семеныч схватился за голову, по всей видимости, осознав, в какие кошмарные траты влез, и выбралил Жака, которого тут же уволил вторично. По мнению Степана Семеновича, горе-повар ввел своего хозяина в такие траты, что разорение было не за горами.

По всей видимости, увольнение повара-шофера Жака было тут явлением вполне заурядным и повседневным, нечто вроде ковыряния в зубах после трапезы или вытравливанием расплодившихся тараканов.

Смешав повара-шофера с грязью парижского предместья (весьма условной, надо сказать), Степан Семенович впал в сплин и тоску и заперся в своей комнате, откуда не выходил уже до утра...

На следующий день все повторилось сначала, и Бог весть сколько все это продолжалось бы, если бы не произошло событие, которое поставило на дыбы все тусклое и сытное бессмысленное существование Ивана Саныча и Осипа в пригороде столицы Франции.

А все началось с того, что Степан Семенович, подобно сыну, тоже решил пригласить Настю в ресторан. Перед этим важнейшим решением он несколько часов провел в своем кабинете, вероятно, высчитывая, на сколько он может урезать жалование Жаку, чтобы позволить себе пригласить русскую дамочку в один из знаменитых ночных заведений Парижа.

После упомянутых размышлений Степан Семеныч вышел из кабинета со скорбным лицом отставленного министра и сказал, ни к кому не обращаясь:

– В общем, нужно выехать в город. Что-то я засиделся тут.

– Папа! – воскликнула дочь. – Ты что, серьезно, что ли?!

– Угу... – мрачно проговорил тот, и все поняли, что это в самом деле серьезно. Степан Семеныч покосился на Настю и, соорудив на лице неопределенное выражение, представляющее собой нечто среднее между напряженной улыбкой и кислой гримасой, спросил с плохо наигранной веселостью:

– Настя, а вам понравилось в нашем городе?

Вопрос прозвучал так же натянуто-неестественно, фальшиво, как фраза балаганного скомороха «Ух, как я рад! У меня вчера тетенька подохла!». Выкристаллизовавшийся за спиной Гарпагина Осип, от которого пахло винцом урожая шестьдесят восьмого года, гмыкнул; Настя ответила:

– А разве может быть иначе?

– А Николая вас на своей машине возил, нет?

– На телеге, – с неподражаемым выражением отозвалась Настя и подмигнула гримасничающему за спиной Гарпагина Осипу Моржову.

– А, шутите, – упавшим голосом выговорил Степан Семенович. – У него хорошая машина?

– Как будто у нас в России таких нет, – равнодушно отозвалась Настя, взмахивая ресницами. – Машина как машина, что ж.

Вот тут Гарпагин оживился. Он почесал в намечающейся лысине, а потом – совершенно неожиданно для всех, в свойственной только ему манере – разинул рот и заорал во весь голос (Настя аж вздрогнула):

– Жа-а-ак!!

– Чаво ж ты так орешь... – пробормотал Осип.

Жак выглянул из-за дерева, где он возился, взрыхляя землю. Наверно, в обязанности многострадального шоферо-повара вменялось еще и садоводство, огородничество и виноградарство.

– Жа-а-ак!!

– Я слушаю, месье Стефан.

– Жак, немедленно пойдите в подземный гараж и возьмите там жеребца.

Вот тут Жак смутился. Она даже выронил грабельки и оперся о дерево, а потом пробормотал:

– Да... обед у меня сегодня не удался...

– Что ты там бормочешь, бездельник? – напористо спросил Степан Семеныч. – Какой обед?

– Я говорю, что обед не удался... может, вы чего-то не того съели, месье Стефан? А? – почтительно спросил полифункциональный Жак.

– Я щас твои уши съем, если будешь по пять раз переспрашивать! – гаркнул Гарпагин. – Отрежу на ходу и съем! Жак, растяпа чертов, ты давай поворачивайся, делай, что я тебе велел! На шум появился Иван Саныч Астахов-младший, уже, разумеется, переодетый в мужскую одежду. В одной руке он держал самоучитель французского языка, в другой – бокал, до половины наполненный вином.

При виде Гарпагина он поспешно выпил вино, спрятал стакан во внутренний карман и старательно забормотал, заглядывая в раскрытый самоучитель:

– Ен, де, траа... катр, сенк...

– Ты чаво это, Саныч, молисси, что ли? – приветствовал его Осип.

– Катр, сенк... а что за шум?

– Да вот, – отозвалась Настя, – Степан Семенович хочет устроить торжественный выезд в город. Жеребца какого-то велел Жаку выводить.

– Это вы сами сейчас увидите – замечательно, – с торжественностью, плохо укладывающейся на его постно-желтое лицо, как косметика на рябую рожу девки-страшилки, выговорил Гарпагин. – Жа-а-ак!! Ага... вот.

– И чаво? Вот это ничаво себе!

– Катр, сенк... сис... у-у!

У Ивана Саныча и Осипа имелись все основания издавать удивленные восклицания. Потому что на асфальтовую стоянку перед домом из подземного гаража выкатил Жак на обещанном «жеребце».

Это действительно был жеребец. Породистый, статный, отливающий новой, не оскверненной пылинкой или царапиной, глубокого тона, алой краской на своих стальных боках. У него была низкая посадка, чересчур изящные и стройные обводы грациозного корпуса с открытым салоном и бесшумный, мощный и плавный ход.

– Ух ты, – выдохнула Настя, – Черт... «Феррари»! Здорово!

– «Феррари берлинетта», – хрипло выговорил Гарпагин, видно, сам немного обалдев от своей неслыханной щедрости. – Я еще ее не пробовал. Только от автосалона на ней проехал. И все.

– И сколько она стоит?

– А ее не покупал, мне ее... подарили, в общем, – несколько замялся Степан Семенович. Астахов смерил пристальным взглядом длинную сутулую фигуру дядюшки и подумал, что тот меньше всего походит на человека, которому дарят «Феррари». Ну да дареному коню в зубы не смотрят. Особенно такому коню, как этот – темно-алый, бесшумный скоростной монстр.

– Никогда не ездила на «Феррари»! – с почти детским восторгом выговорила Настя. – Меня как-то в Москве один знакомый сутене... э-э... Сутенев – фамилия у него такая, так вот, он меня на «Ягуаре» прокатил. А «Феррари» – это круто. За сколько она сто километров с места берет?

Гарпагин бледно пожал плечами и повернулся к сидящему за рулем Жаку:

– Э?

– Да секунды за четыре, – ответил тот, верно, еще не веря, что месье Гарпагин распорядился выкатить из подземного гаража эту дорогую игрушку, которая имела пробег в три километра и даже не успела толком запылить шины.

– Четыре? Здорово! Ну, поехали, Степан Семеныч!

Не дожидаясь приглашения, Иван Саныч швырнул в машину самоучитель, а потом сам запрыгнул в салон и нагло уселся на переднее сиденье. Осип гмыкнул и полез вслед за Астаховым. Настя и заметно напрягшийся Гарпагин разместились вместе с Осипом на заднем сиденье.

Лиза, которой места не хватило, жалобно посмотрела на отца, но тот, сильно раздосадованный тем, что вместо одной Насти в «Феррари» загрузилась вся гостевая команда, только буркнул:

– Иди, иди. Не видишь, что ли, для твоего зада места не осталось.

– А ить как это не осталось? – подал голос Осип, вождельно косясь на упомянутую Степаном Семеновичем часть тела Лизы. – Еще как, стало быть, осталось! А садись-ка, Лизавета, ко мне на коленки. И прокатимся. Да ты не пузырьрся, Семеныч, – сверкнул он крупными желтыми зубами на еще больше скисшего Гарпагина, – вывезет, ить! А чаво ж? Тут движок-то, небось, не «жигулевый».

– Да «лошадей» триста, а то и четыреста! – отозвался Астахов, с интересом наблюдая за тем, как Осип помогает Лизе сесть в машину, а потом кладет свои здоровенные ручищи на могучие бедра мадемуазель Гарпагиной.

Степан Семеныч обреченно махнул рукой...

Жак вышел из машины и ткнулся было открывать ворота. В этот момент у кого-то зазвонил мобильник. Иван Саныч конвульсивно пошарил по своему боку, потом оглянулся на Гарпагина и проговорил:

– У вас, что ли, дядя Степан?

– Не держу, – хмуро ответил тот. – Незачем все это баловство. Это у Жака кудахчет.

Телефон в самом деле звонил у Жака. Астахов поднял брови: у хозяина мобильного нет, а у прислуги, которой к тому же непрестанно урезают заработную плату, – есть. Хотя тут не Россия, мобилы стоят гроши...

Жак наскоро перемолвился по телефону, прицепил аппарат к поясу и пошел открывать ворота. Через три минуты вся компания уже проезжала мимо собора Сен-Дени, у которого, по обыкновению, было припарковано множество автомобилей. Вежливый полицейский с ухмылочкой штрафовал какого-то лохматого водилу с красной рожей богемного тусовщика, и не обратил никакого внимания на то, что Иван Саныч запустил мороженым в отиравшуюся прямо у усыпальницы французских королей тощую жрицу любви.

– Куда едем? – спросил Иван.

– В Сите, – отозвался Гарпагин. – Посмотрите собор Парижской богородицы. Можно будет проехать по Новому мосту, с него открывается прекрасный вид... (Посыпались названия парижских достопримечательностей, более всех завораживающие Настю: набережная Монтебелло, капелла Сент-Шапель, Консьержери и даже площадь Сталинграда и Севастопольский бульвар). До Парижа, насколько я помню всего два с четвертью лье отсюда.

– Сы-колько? – недоумевающе протянул Осип, для которого все французские названия, которые он именовал «фитюльками», были китайской грамотой.

– Лье – французская мера длины, – деловито вклинился Иван Саныч. – Примерно четыре километра. Два с четвертью лье – это приблизительно девять километров.

– Вот именно, вот именно, – подтвердил Степан Семеныч, с подозрением глядя на то, как Осип ковыряет ногтем кожаный чехол водительского кресла. – А вы ногти давно не стригли, Жозеф?

...Ехали с ветерком. На лице Насти был написан столь откровенный восторг, что даже Гарпагин просветлел и заулыбался, вероятно, подумав о том, что не все так безнадежно в этой жизни. Осип же время от времени вынимал из кармана плоскую флягу с коварно похищенным из подвала коньяком и потягивал оттуда. Все оставшееся время он тратил на ощупывание Лизиных рельефов и ландшафтов и глядение по сторонам, а потом и вовсе разблагодуществовался и затянул песенку, чего за ним Ваня Астахов давно не помнил:

– Ма-атор коле-о-осы крути-ить, под нами бегить Москва, ознакомилси я с Маррррусей... и зачал я с ею гулять...

Ваня крутил головой и рассеяннo-восхищенно бормотал уже привычное:

– Ен, де, труа... катр, сенк...

Гарпагин кашлянул, а потом произнес:

– Как вам, Настя?

– Прекрасно... просто клево! – с раскрасневшимся лицом повернулась к нему девушка. – У нас в России так больно-то не поездишь. На «Феррари», с низкой посадкой-то. Там таких дорог нет.

– И таких дураков нет! – поддел ее Ваня, вспомнив две канонические российские беды.

– Конечно, – язвительно ответила та. – Они же сюда переехали. Ты да Осип.

– ...Марррруся отвеча-а-ала, что енто всего-о-о хуже-ей, и в грудь себе вонжа-а-ала шашнадцать столовых ноже-ей!

Осипу подпевал ветер. Скорость вжимала в кресла. Париж обнимал российских гостей струями упругого воздуха и бил в глаза. Настя даже взвизгнула на одном из виражей, когда машина уже пересекла незримую границу Парижа, и тут снова зазвонил мобильник Жака.

Шофери-повар сбросил скорость и, вытянув аппарат, поднес его к уху.

– Моторр коле-осы крутить, под нами бегить Ма-асква, Марррруся в енституте... Сикли-фасо-всковка!..

– Это вас, месье Стефан! – сказал Жак, сбрасывая скорость уже километров до сорока и пытаясь передать телефон сидящему сзади Гарпагину.

– Меня? Кто?

Жак хотел было снова поднести трубку к уху, но тут резвящийся Иван Саныч, вальяжно расставивший локти и крутившийся во все стороны, как юла, повернулся, чтобы разглядеть какую-то девицу с собачкой, и неловко выбил мобильник из рук поваро-шофера:

– А, черррт!

– ...Маррруся в крематорррье, Мару-у-усю в печь кладуть, и ейный хахель в горе-е-е... Димитрий – туть как туть!..

Мобильник вылетел из руки Жака и вклепился в мостовую, теряя фрагменты корпуса, гуляющая собачка вскинула голову, Гарпагин на редкость изобретательно для эмигранта выматерился...

...и вот тут грохнуло.

Бабах!!

В том месте, где многострадальная «труба» только что ударилась о мостовую, притянув к себе нездоровое внимание собачки и ее хозяйки, – на этом месте вдруг вспузырился, разворачиваясь, распускаясь, как цветок, тугой клуб яркого пламени. Вспышка ударила, с грохотом упала и покатила мусорная урна, а собачка подскочила на полметра и с жалобным воем ломанулась прочь, таща за собой на поводке ополоумевшую хозяйку и обильно загрязняя парижский тротуар кишечными последствиями только что пережитого потрясения.

Осип не допел куплета, в котором «хэхель Димитрий» скорбел о судьбе несчастной Маруси, кремированной в его присутствии, говоря, что «я всю ей жисть испортил, и все я сделал сам, насыпьте пожалуйста в портфель мне пеплу четьреста грамм».

Осип наступил на горло собственной песне, а потом наступил на ногу окаменевшему Гарпагину, когда привстал, чтобы увидеть, как жалкие осколки мобильного телефона разлетаются в радиусе нескольких десятков метров.

– Стой! – рывкнул Гарпагин.

Жак машинально нажал на тормоз, и машина, взвизгнув шинами и едва не наскочив бампером на высокий бордюр, остановилась.

Квартал был пуст. Девица уже скрылась за углом, увлекаемая своей собачонкой. Хлопнуло какое-то окно, и из него высунулась черная бандитская физиономия, поморгала молочными белками и, ухмыльнувшись до самых розовых десен, снова исчезла.

– Квартал тут такой... – пробормотал Гарпагин ошеломленно. – Одни нигеры и арабы живут.

– Но ведь это не нигеры и арабы взорвали телефон? – заговорила Настя. – Да что же это такое творится в вашем хваленном Париже? В нескольких километрах от самого что ни на есть центра? Ведь если бы Ванька случайно не выбил мобилу из руки Жака, то трубку взял бы Степан Семенович. И вот тогда...

– Башку бы оторвало, – грубо резюмировал Осип. – А что мы встали?

– Полицию надо вызвать... – отозвался Гарпагин.

Иван Саныч завертел головой, потом глянул в самоучитель и машинально прочитал ломаную французскую фразу, а потом воскликнул:

– Полицию?! Да не надо полиции! Какая такая полиция? И вовсе не надо полиции!

– Как не надо, если меня хотели убить? – Гарпагин начал вскипать, как большой и плохо чищенный чайник на медленном огне. – Как же? Хотя верно... в полиции сидят одни подручные этой жабы Шаллонихи, мэрши! – Он выпятил вперед и без того выдающуюся нижнюю губу: – Жак!!!

Тот сидел, ошеломленно уставившись перед собой осовелыми глазами и конвульсивно вцепившись в руль. Верно, он представил себе картину того, что было бы, задержись мобильник в его руке двумя секундами дольше.

– Жак!! – повторно проорал Гарпагин. – Откуда в твоём телефоне взрывчатка? – Он вцепился в плечи шофера и затряс их. Голова Жака покорно болталась взад-вперед, как у тряпичного клоуна. – Отвечай, негодяй, откуда в твоём телефоне взрыв-чат-ка?!

Жак едва ли понимал своего хозяина: тот говорил по-русски, причем быстро и неразборчиво, разбрызгивая слова, как истерическую слюну.

Впрочем, он вряд ли уразумел больше, даже если бы Степан Семенович говорил по-французски.

– Направленный точечный взрыв, – солидно резюмировал Иван Саныч. – Я такое уже видел.

– Где?! – повернулся к нему Гарпагин.

– Что? А, ну да. В кино. Кино такое есть... со Сильвестром Сталлоне. Там этак... – Астахов неопределенно покрутил в воздухе пальцем, обозначая вышеупомянутое «этак», а потом с видом эксперта добавил:

– Очень просто. Мобильник разобрали, удалили какую-то деталь, без которой он и так может функционировать, а на ее место всунули внутрь пластиковую взрывчатку с взрывателем. Взрыватель активируется, когда поступает звонок...

– Но ведь Жаку уже звонили перед этим, но ничего не взорвалось!

– Тогда, верно, взрыватель был настроен на определенный номер, – важно заявил Иван. – С этого номера позвонили, и через несколько секунд рвануло. Вот. Жак, да поехали отсюда, а то в самом деле полиция приедет!

Степан Семенович выслушал рассуждения Ивана Саныча и вспомнил, что тот работал в Генеральной прокуратуре...

Ох, лучше бы ему сразу знать, что нигде Ваня толком не работал, а где и выдавливал из себя потуги на работу, так тут же с треском вылетал с того места! Лучше бы Степан Семенович сразу узнал, что его племянник – не отважный следователь важного ведомства, а просто мелкий жулик, раздолбай и актер-недоучка, в свое время недурно изображавший Хлестакова на сцене и в жизни, – но и только!

В этом случае не было бы свистопляски, предстоявшей Степану Семеновичу, его семье и его гостям из России в недалеком будущем.

* * *

Разумеется, ни о каких дальнейших прогулках речи не велось. Вернулись домой, просмотры соборов Парижской Богоматери отложили на более благоприятные времена, когда мобильные телефоны не будут взрываться, как заправские гранаты.

Оставалось только удивляться, что они сумели уехать с места происшествия незамеченно и не привлекли особого внимания. Удивлялся преимущественно Осип, состояние его пьянственного недоумения усугублялось безбожным потреблением перелитого из бутылки «Реми Мартена», но песни про Марусю он петь перестал.

Жак, кажется, был придавлен происшествием больше всех. В его голове не укладывалось, каким образом мобильник, который верой и правдой случил ему уже около трех месяцев, вдруг взорвался и только чудом никого не покалечил. Его подавленное состояние усугублялось тем, что Гарпагин избегал разговора с ним и даже не пускал в ход свою обычную кудрявую ругань, а разговаривал сдержанно и почти вежливо, что являлось у него верным признаком серьезного озлобления.

Все предпочитали не обсуждать инцидент.

За ужином Степан Семенович сам пресек заговор молчания. Он отложил вилку и произнес:

– И опять же об этом кошмарном случае. Я думаю, это было тщательно спланированное покушение.

Осип, Иван Саныч, Настя и Лиза, присутствовавшие в данный момент за столом, держались того же мнения, но предпочитали пока что помалкивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.